

Мэри Брэддон

Тайна индийских офицеров

Мэри Элизабет Брэддон
Тайна индийских офицеров

«Public Domain»

1862

Брэддон М.

Тайна индийских офицеров / М. Брэддон — «Public Domain», 1862

«Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы деревьев, венчавшие вершину одного из косогоров графства Суссекс. Издали доносился глухой ропот морских волн, который смешивался с жалобным стоном сентябрьского ветра. По узкой тропинке на вершине косогора ходила взад и вперед молодая женщина в трауре, не сводя глаз с пылающего небосклона и блестящего красноватым светом моря. Между кустами бегал мальчик лет семи, лишь иногда останавливаясь, чтобы сорвать желтые цветы, которые уже через пять минут топтал ногами. Из труб хижин, теснившихся в долине, поднимался дым, оживляя этот суровый ландшафт. На извилистой дороге, ведущей к горе, стоял небольшой фаэтон, запряженный парой резвых лошадок, ожидая гуляющих на вершине людей. Экипаж был тут около часа, а груму уже надоело ходить вокруг него и прислушиваться к полету куропаток да к изредка раздававшимся в лесу выстрелам какого-нибудь охотника...» Книга также выходила под названием «Преступление капитана Артура».

Содержание

I. Через восемь лет	6
II. Взгляд на прошлое	12
III. Новый владелец Лисльвуд-Парка	16
IV. У решетки парка	20
V. Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней	23
VI. Опутан	30
VII. Подпольная работа	33
VIII. Бишер-Рид	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мэри Элизабет Брэддон
Тайна индийских офицеров

The Lady Lisle (1862)

I. Через восемь лет

Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы деревьев, венчавшие вершину одного из косогорьев графства Суссекс.

Издали доносился глухой ропот морских волн, который смешивался с жалобным стоном сентябрьского ветра. По узкой тропинке на вершине косогора ходила взад и вперед молодая женщина в трауре, не сводя глаз с пылающего небосклона и блестящего красноватым светом моря. Между кустами бегал мальчик лет семи, лишь иногда останавливаясь, чтобы сорвать желтые цветы, которые уже через пять минут топтал ногами. Из труб хижин, теснившихся в долине, поднимался дым, оживляя этот суровый ландшафт. На извилистой дороге, ведущей к горе, стоял небольшой фаэтон, запряженный парой резвых лошадок, ожидая гуляющих на вершине людей. Экипаж был тут около часа, а груму уже надоело ходить вокруг него и прислушиваться к полету куропаток да к изредка раздававшимся в лесу выстрелам какого-нибудь охотника.

– Когда ты поедешь домой, мама? – спросил ребенок, подбегая к матери.

– Скоро.

– Я так устал...

– Мой Руперт!

Молодая женщина нежно положила руку на плечо мальчика, продолжая всматриваться туда, где солнце исчезало за морем.

– Дитя мое, доктор Персон говорит, что тебе нужно больше двигаться, поэтому-то я и привезла тебя сюда. Побегай еще, мой милый... побегай.

– Я не люблю бегать... Давай, мама, играть в лошадки.

Мать глубоко вздохнула и, покрепче стянув шаль вокруг талии, приготовилась выполнить просьбу ребенка. Это была женщина довольно высокого роста, но очень деликатного телосложения, причем поразительно хорошенькая. Ее большие, ясные голубые глаза были прекрасны, хотя им и недоставало выразительности, а маленький тонкий носик, рот, который далеко не свидетельствовал о силе характера, и длинные светло-русые волосы делали ее весьма привлекательной, хотя строгий ценитель мог бы сказать, что такое лицо скорее подошло бы кукле, чем одушевленному существу. Молодая женщина еще сильнее стянула шаль, завязала ее концы и, вручив их сыну, начала бегать по косогору, в то время как мальчик погонял ее слабым, визгливым голосом – он называл это игрой в лошадки.

Она бегала довольно медленно, но все же достаточно живо для того, чтобы ребенок был доволен. Вскоре, однако, у нее перехватило дыхание, она остановилась и прижала свои маленькие, обтянутые перчатками руки к сильно бьющемуся сердцу. Мальчик продолжал дергать концы шали.

Вдруг прямо перед ней на тропинке показался мужчина, которого она не видела вот уже восемь лет. Лучи угасающего солнца освещали его смуглое бледное лицо, отражались в карих глазах, и огромная тень легла на склон холма.

– Капитан Вальдзингам! – в ужасе воскликнула молодая женщина.

– Леди Лисль, – сказал новоприбывший, снимая шляпу.

Осенний ветер взметнул пряди черных волос капитана и бросил их на его низкий лоб. Он был красив, но его мрачная красота носила весьма своеобразный характер: правильные, но резкие черты лица, смуглая кожа, а карие глаза казались совершенно черными из-за густых и темных ресниц. Высокого роста, широкоплечий и сильный, он опирался на трость с золотым набалдашником. Встреча эта, очевидно, не удивила его, и на его лице не отражалось ничего, кроме легкого оживления.

После минутного молчания он проговорил:

– Я прочел в одном журнале, что он умер.

Леди Лисль кинула на него полуудивленный-полуиспуганный взгляд и пробормотала:

– Я думала, что вы в Индии.

– Я прочел в газете о его смерти. Я пил пиво и играл в бильярд в одном из калькуттских клубов, когда один из друзей подал мне какую-то английскую газету, и, хотя я редко читаю прессу, начал ее листать. Таким-то образом я и узнал о смерти сэра Реджинальда Лисля, владельца Лисльвуд-Парка в графстве Суссекс, двадцати девяти лет от роду... На другой день «Дольгуз» поднял паруса, и я отправился вместе с ним.

– Так вы меня лю...

– Я всегда любил вас... а теперь люблю еще более прежнего.

Он схватил маленькую ручку леди Лисль и прижал ее к губам, но мальчик снова начал дергать мать за шаль и громко закричал:

– Кто этот господин, мама, и почему он целует твою руку? Почему он говорит, что любит тебя, ведь он не мой бедный папа!

Капитан Вальдзингам наклонился к мальчику и внимательно посмотрел на него, повернув к свету его бледное, болезненное личико.

– Вы похожи на вашу маму и лицом, и характером, сэр Руперт Лисль, – произнес он. – И поэтому мы будем хорошими друзьями, и я буду играть с вами в лошадки.

– Тогда я буду любить вас, – ответил ребенок.

– Вы удивились, увидев меня, леди Лисль? – обратился капитан к молодой женщине. – А между тем мой приезд объясняется вполне естественными причинами. Я прочел, что сэр Реджинальд умер, и на другой же день отправился в Англию. Прибыв в Довер, я навел справки и узнал, что вы все еще живете в Лисльвуде. Я поехал к вам, даже не заглянув в Лондон. В замке мне сообщили, что вы отправились кататься на пони... Ну я и пошел прямо сюда.

– Почему же именно сюда?

– Как, вы не догадываетесь?.. Потому что мы расстались на этом самом косогоре, и тоже в сентябре, восемь лет тому назад... Я решил, что вы иногда посещаете это место.

– Вы будете жить с нами, в замке?

– Нет, я остановлюсь в гостинице «Золотой Лев», но буду ежедневно приходить в парк. Если же я остановлюсь у вас, это может стать предметом сплетен.

– Вы правы.

Ей так редко приходилось принимать решения – обычно их принимали за нее, – что ее постоянно было нужно наталкивать на самые простые мысли.

– Я видел на дороге ваш экипаж и узнал ливрею дома Лисль, – продолжал Вальдзингам. – Не подвезете ли вы меня?

– Подвезем... Если хотите бывать у нас, то запомните: мы обедаем в семь часов. Теперь, должно быть, уже более семи, но я почти всегда заставляю себя ждать... Идем, Руперт.

Она взяла мальчика за руку, и все трое начали спускаться с горы.

– Вы говорили, что рады видеть меня, – вдруг сказал он, ударив тростью по ветвям деревьев, – а между тем в вас вовсе не заметно радости.

– Вы испугали меня! Вам бы следовало предупредить меня письменно о вашем приезде... я ведь слабая женщина.

– Это верно, – ответил капитан со странной, почти презрительной улыбкой. – У вас всегда было слишком мало сил... и для борьбы, и для страданий. Простите меня, леди Лисль, одному Небу известно, коренится ли причина этого в вашей душе, или в вашем теле. Порой я даже спрашивал себя: а есть ли у нее душа?

– Вы по-прежнему жестоки, Артур, – проговорила она, и ее большие голубые глаза наполнились слезами.

– Прикажите вашему сыну идти к экипажу, а мы с вами немного пройдемся.

Леди Лисль выполнила его просьбу, и мальчик бросился бежать к фаэтону, на козлы которого и вскарабкался, сев рядом с грумом.

– Клэрибелль, – начал капитан, волнуясь, – знаете ли вы, что в течение всех тех лет, что провел вдали от вас, в Индии, я молил Бога послать нам эту встречу? Грешная просьба, не так ли? Она равносильна просьбе о смерти человека, который никогда не делал мне зла. И все-таки она услышана... может быть, к моему несчастью... Это была молитва страстно любящего человека – сумасшедшего, отчаянного, ослепленного, так молятся разве только язычники. Сколько раз говорил я самому себе: «Если даже она будет нищей и я встречу ее на улице или если она будет лежать на больничной койке, покинутая и презираемая всем светом, я и тогда женюсь на ней... женюсь, где бы и какой бы ни нашел ее». И это так же верно, как то, что свет нисходит с неба... В течение восьми лет повторял я эту молитву и этот обет. Бог внял моей мольбе – и вот я снова здесь.

– Сэр Реджинальд был для меня хорошим мужем, – только и ответила леди Лисль на это страстное признание, – и я всегда старалась исполнять мой долг по отношению к нему.

– Да, да, Клэрибелль, я верю этому. Вы так же исполнили свой долг и по отношению к вашей тетке и вашим опекунам, безжалостно разбили мое сердце и изменили данному мне слову, чтобы стать женою сэра Реджинальда Лисля.

– Я так мучилась тогда... мне наговорили столько ужасных вещей...

– Ну да, вам говорили, что я влюблен в ваше богатство, не так ли? Говорили, что бедный индийский офицер добивается руки сироты, дочери богатого негоцианта, единственно ради миллионов, оставленных ей ее отцом. Вот что напевали вам, и вы, зная меня лучше, чем кто-либо, зная искренность моей любви к вам, могли верить этому, Клэрибелль!

– Я боялась полагаться на собственное суждение...

– Да, леди Лисль, и это было самой серьезной ошибкой в вашей жизни.

Он вновь взял ее нежные пальчики в свои сильные руки и посмотрел на нее долгим взглядом.

– Великий Боже! – воскликнул он. – Как я мог строить свое счастье на такой слабой, такой зыбкой основе! Что же удивляться, что все рухнуло? Бедная моя Клэрибелль! Вы такое хорошенькое существо, но такое ломкое и бездушное... скорее можно положиться на эти гиацинты, чем на вашу нежность и постоянство.

– О, как вы жестоки, Артур!

– Вы находите? А помните вы еще сентябрь восемь лет тому назад? Кто был тогда жестоким, Клэрибелль? Мы были здесь... О, как живо представлялась мне иногда вся эта печальная сцена и как тоскливо сжималось мое сердце при этом воспоминании! Ужасные, почти невыносимые нравственные пытки! Каждую ночь в течение многих лет видел я во сне этот кособор и малейшие подробности нашего грустного расставания. Я слышал шелест вашего шелкового платья, цеплявшегося за кусты, чувствовал легкое прикосновение вашей маленькой ручки к моей руке, видел ваши слезы... в ушах моих звучали ваши отчаянные, терзавшие мою душу слова, которые вам было так же тяжело произносить, как мне – слушать. Во сне я прижимал вас к сердцу, как при прощании, а после этого просыпался, чтобы смотреть на звезды сквозь крышу шатра и слушать завывание голодных шакалов.

– Я тоже много страдала... я страдала не меньше вас, – сказала Клэрибелль прерывающимся голосом.

– Нет, Клэрибелль, ошибаются те, кто думает, что женщина страдает так же, как мужчина. Она страдает, глубоко переживая свое несчастье, и часто сильное горе действует на нее самым благодатным образом, изменяя ее к лучшему. С мужчиной же не так: видя свои надежды разрушенными, потеряв цель в жизни, он поворачивается спиной к несчастью и начинает искать себе развлечение в обществе... Я не стану объяснить вам, леди Лисль, какое широкое значе-

ние имеет слово «развлечение», единственно хочу сказать вам, что восемь лет назад я был достоин вас, а сегодня – недостоин.

– Следовательно, вы не любите меня больше? – спросила она.

– Люблю, Клэрибелль, люблю, сердце мое не способно полюбить другую. Я встречал женщин прекраснее вас и более достойных любви, но в своем безумии, к моему несчастью, я не смог забыть вас, не мог разлюбить... Я проклинал вас за вашу бесхарактерность, презирал за измену, но в течение восьми лет, полных горя, труда и отчаяния, я ежедневно признавался самому себе, что все еще люблю вас. Скажите, я заслуживаю хоть какого-нибудь вознаграждения? Вы теперь вполне самостоятельны, тетка ваша, которая имела на вас такое сильное влияние, давно умерла. Опекуны ваши не имеют больше над вами никакой власти, Клэрибелль. И я спрашиваю вас теперь, когда вы свободны, на том же месте, где вы оставили меня восемь лет тому назад в таком отчаянии: хотите ли вы исполнить обеты вашей молодости?

Леди Лисль несколько минут молчала, а потом прошептала, вытирая слезы, которые с самого начала этого разговора катились по ее лицу:

– Да, Артур, если это может составить ваше счастье.

Она произнесла эти слова скорее под влиянием какого-то страха, чем подчиняясь чувствам. Артур обнял ее, прижал к себе и поцеловал в лоб, а затем молча довел до экипажа.

– Мама, мама! – своим слабым голоском закричал ребенок. – Я тебя заждался. Я очень голоден, и уже становится темно, а Брук устал рассказывать мне сказки.

– Потому что вы слышали их уже много раз, сэра Руперт, – почтительно заметил грум.

– Так Брук рассказывает вам сказки, сэра Руперт? – весело спросил капитан. – Вероятно, он рассказывал о Джеке, убийце великанов и мальчике-с-пальчик? Я думаю, будет недурно, если я расскажу вам какую-нибудь индийскую сказочку.

– В таком случае я буду вас любить и желать, чтобы вы стали моим новым папой!

– Садитесь, сэра Руперт, – сказал Брук. – Теперь восемь часов, а вам пора кушать.

Легкий фаэтон быстро покати по дороге и уже через полчаса оказался у ворот Лисльвуд-Парка, одного из самых больших и красивых поместий графства Суссекс.

Маленький баронет был в восхищении от своего нового знакомого и до позднего вечера не давал ему уйти, требуя все новых и новых сказок. Но как только часы пробили девять, в гостиной появилась важная, чопорная гувернантка и уговорила сэра Руперта, хоть и с величайшим трудом, следовать за ней в его комнату.

– Вы балуете своего сына, – заметил капитан, когда мальчик ушел.

– А как же иначе? Мне некого больше любить.

– Он очень милый малыш, но слаб телосложением.

– Да, он не слишком крепок, и это одна из причин, почему я позволяю ему делать почти все, что он захочет. Доктора утверждают, что ему не следует противоречить, поскольку он чрезвычайно впечатлителен.

– Он умный мальчик?

– О нет, я не думаю, что он обладает ясным умом, – ответила леди Лисль, поколебавшись, – он учится вяло, неохотно. Господин Мэйсом, пастор, ежедневно дает ему двухчасовой урок, и я опасаюсь, что он находит его слишком ленивым.

– Он когда-нибудь на него жаловался?

– Да, жаловался несколько раз, – проговорила леди Лисль задумчиво.

– Это ничего не значит, Клэрибелль, Руперт будет богат, и ему нет нужды становиться ученым. Это только нам, беднякам, осужденным на вечную борьбу за существование, необходимо развивать свой ум.

Капитан произнес эти слова с горькой улыбкой и, подойдя к камину, облокотился на него и устремил взгляд на огонь. Пламя озарило его смуглое лицо каким-то фантастическим светом, засверкало в грустных черных глазах и резче обозначило строгие очертания красивого рта,

полускрытого усами, которые он то и дело разглаживал рукой. Леди Лисль, сидевшая по другую сторону камина за маленьким столом, пристально смотрела на него.

– Вы изменились, капитан, – сказала она наконец.

Он пожал плечами, подтолкнул концом сапога уголья и после короткой паузы спокойно произнес:

– Так вы находите, что я изменился? И очень изменился?.. Удивительно ли это после того, как я провел восемь лет в Индии? После того, как я восемь лет пил эль и водку... упражнялся на бильярде, играл в кости, в экартэ, в различные азартные игры, в крикет... совершал набеги на неприятеля, охотился на вепрей и тигров, ссорился, заводил любовные интриги... О леди Лисль! Мне кажется, уж лучше не вспоминать все свои деяния: они могут не прийтись вам по вкусу.

– Артур, – сказала Клэрибелль, рассеянно накручивая длинные золотистые локоны на свои беленькие пальчики, – знаете ли вы, что вы стали настоящим медведем?

– Медведем! – насмешливо повторил капитан. – Только эту перемену вы и видите во мне после восьми лет разлуки? Обращение мое уж не такое вежливое, голос мой стал грубым, я говорю дерзости и смеюсь прямо в глаза людям. Я сделался нервным, раздражительным, у меня несносный характер, и я не стараюсь понравиться окружающим, как делают люди благовоспитанные. Я обедаю в пальто и в цветной жилетке, я явился к женщине, восемь лет тому назад изменившей данному мне слову, в шесть часов пополудни и, не застав ее дома, отправился вслед за нею, нашел ее в пустынном месте и предложил ей выйти за меня замуж, меж тем как еще не истек год ее траура... одним словом, леди Лисль, вы правы: употребляя ваше же выражение, я стал медведем.

При этих словах он взглянул в зеркало, висевшее над камином, и откинул назад черные волосы. Леди Лисль не сводила с него полного недоумения взора, но не сказала ни слова. Его влияние на нее было огромным, и в ее обращении с ним проглядывала робость, вероятно, возникшая из сознания его силы и ее собственной слабости.

– Леди Лисль, – продолжал он, – я уже не кажусь вам таким, каким был восемь лет назад? А если я скажу вам, что я с тех пор стал во всех отношениях другим человеком?

– Артур!

– Взгляните на меня в зеркало... идите сюда, Клэрибелль, встаньте рядом со мною, и будем вместе изучать мое лицо. В нем нет каких-то особенных перемен: две-три едва заметные морщинки под глазами, несколько резких линий вокруг рта да смуглая кожа, ставшая такой под индийским солнцем. Великий Боже! Как мало отражает лицо внутреннее состояние человека, и каким иссохшим, старым, безобразным было бы мое, если б на нем отразились все пережитые мною душевные бури! А теперь посмотрите, как прекрасна моя маска, и удивляйтесь, как искусно умеет человек – эта величайшая из всех загадок – скрывать под нею свое истинное лицо!

– Артур, я отказываюсь слушать вас, если вы будете продолжать в том же тоне.

– Ах да, я ведь говорю медвежьим языком, не так ли? Я должен был бы лежать у ваших ног и рисовать самыми радужными красками картину моего восьмилетнего пребывания в Индии: как я, из любви к вам, никогда не пил двойной эль, как по той же причине не прикасался ни к игральным костям, ни к картам и как избегал общества женщин, чтобы мечтать о вашем хорошеньком личике. Это звучало бы приятно для ваших маленьких ушек, не так ли? Нет, Клэрибелль, я всего этого не скажу. Я медведь, как вы сами заметили, и потому буду говорить вам правду и одну только правду. Выслушайте же меня! Я ненавижу вас столь же, сколь и люблю, сердце мое разрывают две эти противоположные страсти, так что я даже еще не уяснил, которая из них привела меня к вам сегодня? Вы по незнанию восемь лет назад совершили убийство и теперь видите перед собой только дух сэра Артура Вальдзингама, которого вы тогда убили. По вашей милости и из-за вашей измены я стал игроком, пьяницей и развратником.

Воспоминание о вас преследовало меня неотступно, и чтобы избежать этой пытки, я старался забытья в вине, в игре, в оргиях... Вот что я обязан сказать вам, леди Лисль, если уже я должен сказать вам что-нибудь.

– Артур, вы разбиваете мне сердце, – сказала Клэрибелль. Он отвернулся и закрыл лицо руками. – Артур, я обещала сделать все, что будет в моих силах, чтобы вознаградить вас за прошлое. Я обещала это, да? – повторила она, стараясь приподнять его голову своими маленькими руками.

– Да, да, вы добры, Клэрибелль. Вы даже обещали стать моей женой. О, моя возлюбленная, моя мучительница, моя дорогая и жестокая Клэрибелль!.. Пусть ужасное прошлое забудется раз и навсегда, и да не падет ни малейшая тень от него на эту прелестную головку!

Он приподнял ее прекрасные локоны и посмотрел на нее с нежностью, грустью и с глубоким состраданием.

– Клэрибелль, – начал он снова, – вы обещали быть моей женой: не раскаиваетесь ли вы в этом? Не страх ли вынудил вас сдаться на мою мольбу? Обдумайте это еще раз, моя дорогая, пока не поздно, скажите одно слово, и сегодня же вечером я оставлю этот дом, и через два дня снова буду на пути в Индию. Одно слово, Клэрибелль, и вы будете избавлены от меня навеки.

Она подняла на него полные слез глаза и, положив свои нежные пальчики на его широкую ладонь, проговорила чуть слышно:

– Никогда, никогда не любила я никого, кроме вас. Я поступила очень дурно, когда изменила данному вам слову и вышла замуж за сэра Реджинальда Лисля, но я была слишком слабой, чтобы противиться воле моих родных. Как часто сидела я с мужем напротив этого камина и думала о вас, пока не исчезали и эта комната, и лицо мужа... Я видела вас раненым на поле битвы или спящим в каком-нибудь мрачном, непроходимом лесу... видела вас одиноким, покинутым, больным, умирающим. Но слава Богу, вы здоровы и невредимы, вы вернулись ко мне и вы все еще любите меня!

– Люблю и буду любить всегда... Это мое безумие, Клэрибелль. Так вы выйдете за меня, чтобы ни случилось по Божьей воле дурного или хорошего?

– Да!

Она задрожала, взглянув опять на его мрачное лицо, и с ужасом повторила медленно его последние слова: «Дурного или хорошего».

II. Взгляд на прошлое

Почтенные жители Лисльвуда, что в Суссексе, вероятно, помнят, как восемь лет тому назад некий капитан Вальдзингам, служивший в индийской армии, приехал погостить к сэру Реджинальду. Быть может, в их памяти еще сохранились его свежее лицо, изящные манеры и воинственная осанка, не забыли они, конечно, и бряцанье его шпор, когда он проходил по длинной, дурно вымощенной улице деревни, свист хлыстика, который он так грациозно вертел в руках, и лоск его прекрасных черных усов (капитан служил в кавалерии), его добрую улыбку, с которой он обращался к детям, подбегавшим к нему, чтобы полюбоваться на бравого вояку и услышать его звонкий голос, когда он останавливался перед «Золотым Львом», ожидая прибытия лондонского дилижанса, или когда заходил к кузнецу или ветеринару, чтобы посоветоваться насчет своей лошади.

– Весьма благородный и любезный джентльмен, великодушный и откровенный, – говорили о нем жители Лисльвуда.

Помнят они также и о том, как он отчаянно, до безумия влюбился в мисс Клэрибелль Мертон – сироту и наследницу одного богатого негоцианта, жившую под опекой своей тетки – старой девы, сестры экс-ректора прихода. Добрые люди помнят об этой любви, потому что капитан Артур Вальдзингам, который вовсе не принадлежал к числу скрытных людей, тысячу раз угрожал застрелиться или утопиться, если любовь его будет отвергнута. Мартин, его слуга (превосходный мальчик!), сказал однажды служанке из «Золотого Льва», что он спрятал пистолеты своего господина и очень жалеет, что не может сделать то же с рекой. Капитан Вальдзингам выказал себя чересчур неосторожным и нескромным в своей любви к прекрасной наследнице со светло-русыми волосами, детскими манерами и с полнейшим отсутствием энергии и характера. Капитан возражал и протестовал, когда его обвиняли в том, что он ухаживает за нею только ради ее богатства, и просил отдать ее за него без всяких денег, а на ее миллион основать богадельню. Весь Лисльвуд знал повесть этой любви, чрезвычайно интересовался ею и сочувствовал страданиям капитана. О каждом тайном свидании, происходившем на широкой равнине или на косогорах, окружавших село, было известно всем без исключения. Каждый вечер, когда он проходил мимо сада ее тетки, чтобы видеть слабый свет лампы, пробивавшийся сквозь оконные занавесы, каждое письмо, украдкой доставленное горничной, гиней, которую кузнец по просьбе капитана рассек пополам и половинки которой вручил влюбленным, бурные сцены между капитаном и опекушкой мисс Клэрибелль – все это было предметом толков и пересудов в домах в Лисльвуде. Толковали об этом и молодые женщины, которые находили прекрасного капитана слишком завидным обожателем для этой «глупой, взбалмошной мисс» – так непочтительно отзывались они о мисс Мертон, толковали и старые женщины, которые утверждали, что капитан добивается единственно денег, присоединялись к этим толкам также холостяки с седыми головами, называвшие капитана сумасшедшим за его бурную и откровенную любовь. Одним словом, весь Лисльвуд в мельчайших подробностях обсуждал увлечение Вальдзингама, перемывая ему все косточки.

Думаю, что единственной особой, остававшейся абсолютно спокойной, была молодая героиня этой сентиментальной драмы. Клэрибелль Мертон не делала никаких признаний и не искала сочувствия. Никто и никогда не слышал, чтобы она устроила сцену, или упала без чувств к ногам своей неумолимой опекушки, или совершила опрометчивый шаг, отвечая на страстные послания своего обожателя. Да, она ходила на свидания на отдаленные косогоры, но все были уверены, что с ее стороны эти свидания имели самый безгрешный характер, и объясняли их тем, что капитан, бродя вокруг ее дома, видел, как она выходит оттуда, и следовал за нею. Словом, о мисс Мертон упоминали редко. Красивая, бледная, с длинными золотистыми локонами, которые, как ореол, окружали ее грациозно наклоненную головку, она

каждое воскресенье приковывала к себе в церкви внимание всего Лисльвуда, но никто и никогда не замечал, чтобы ее лицо вспыхнуло или побледнело под жгучими взглядами Артура Вальдзингама, который с досады грыз переплет своего молитвенника. Он – небритый, с тусклым неподвижным взором – мог стоять все время, пока пели псалмы, опираясь на деревянную решетку, и со свирепым видом упорно смотреть на Клэрибелль, мог в самой середине проповеди выбегать из церкви, скрепя сапогами и звеня шпорами по каменным плитам храма, мог сколько хотел беспокоить прихожан и привлекать внимание воспитанников, так что они нередко невольно восклицали: «Негодный Вальдзингам!» – но, чтобы он ни делал, ему не удавалось нарушить незыблемое спокойствие мисс Мертон. По окончании проповеди, когда ректор благословлял присутствующих и народ начинал покидать церковь, мисс Клэрибелль выходила на кладбище и спокойно проходила мимо капитана, сидевшего на какой-нибудь могиле и смотревшего на нее в мрачном отчаянии. Если она нечаянно задевала его своим шелковым платьем, из-за чего он начинал трепетать всем телом, то как будто не замечала этого и в ее холодных голубых глазах не отражалось ни удивления, ни волнения, ни смущения, ни досады, ни любви, ни даже сожаления.

– Вы считаете меня сумасшедшим, потому что я до безумия люблю восковую куклу? – однажды вечером воскликнул капитан в Лисльвуд-Парке, когда выпил больше обыкновенного, и баронет с друзьями начали смеяться над его страстью. – Я знаю не хуже вас, что это глупость, прощительная только школьнику, но этот вздор способен довести меня до могилы.

Однако, сколь бы много общего, как утверждали ее враги, ни имела мисс Мертон с теми прекрасными произведениями искусства с голубыми глазами и золотыми волосами, которые можно видеть в игрушечных магазинах, все же она была богатой наследницей и вдобавок прелестнейшей женщиной, вследствие этого обстоятельства или по причине сплетен, вызванных бешеной страстью капитана – но через шесть недель после появления в Лисльвуде индийского офицера, она, как говорится, вошла в моду. Будь она даже страшнее, чем смертный грех, это не помешало бы ей теперь выйти замуж за первого красавца околотка. Она могла бы выйти за самого богатого, даже если бы была бедна. Даже если бы она была идиоткой, некрасивой и горбатой, войдя в моду, она неизбежно должна была сделаться предметом восторга, удивления и поклонения. Чудесная перемена произошла неожиданно, вдруг, и кавалеры, которые прежде едва замечали ее, начали сходить с ума от желания жениться на ней – то есть не на ней, собственно, а на ее известности: им хотелось понежиться в лучах этой яркой планеты, попить на чужом пиру. Мисс Мертон сделалась в Лисльвуде такой же знаменитостью, какой делается в Лондоне страшный преступник или человек, написавший роман о классовом устройстве общества.

Итак, мисс Клэрибелль Мертон стала центром внимания Лисльвуда, и через два месяца сэр Реджинальд предложил ей руку и сердце единственно из удовольствия отбить ее у другого, благодаря подстрекательствам тетки предложение это было принято. В это-то время на вершине косогора, носившего название Бишер-Рида, и разыгралась ужасная сцена. Не дождавшись капитана к обеду, из замка за ним послали его слугу Мартина, и тот нашел своего господина распростертым на мокрой траве в состоянии совершенного оцепенения. После этого Вальдзингам хотел вызвать на дуэль сэра Реджинальда, между соперниками вышла отчаянная ссора, которая закончилась только с отъездом капитана. Он оставил замок, пожелав баронету быть счастливым со своей бездушной невестой, и поскакал, как сумасшедший, в Индиа-Гуз – просить, чтобы его послали куда-нибудь, где враги отечества из жалости поспешили бы его прикончить.

В Лисльвуде судачили о том, была ли мисс Клэрибелль Мертон огорчена, что ей пришлось отвергнуть сумасбродного обожателя. Но, как всегда, лицо девушки не выдало ее тайн, оно было прекрасным, но абсолютно безмятежным. Она вышла замуж за сэра Реджинальда без любви, сделав это так же бесстрастно, как она брала уроки музыки, не имея слуха, и училась

рисованию, не обладая эстетическим вкусом. Она выполняла все, что ей предписывали делать. Она вышла бы и за капитана, прикажи он ей сделать это, так как не была в состоянии противиться силе, если бы не противодействие тетки, которая издавна имела над нею неограниченную власть. Она полностью зависела от тех, кто руководил ею, смотрела их глазами, думала их умом и употребляла в разговоре только их выражения. Капитан мог быть совершенно искренним в своей любви к ней, но если ее тетке было угодно выставить его обманщиком, то и мисс Клэрибелль начинала сомневаться в нем. Она говорила ему своим тихим, нежным голосом тысячу несправедливостей, которые были простым повторением слов ее опекуниши. Ее можно было сравнить с кораблем без руля и якоря, отданным на произвол изменчивого ветра, и не успел еще капитан, отправляясь в Индию, достичь Мальты, как крестьянские дети уж усыпали цветами путь, по которому должны были идти из церкви сэра Реджинальда и леди Лисль.

Прошло без малого восемь лет с того прекрасного октябрьского утра, в которое Клэрибелль Мертон стала женой молодого баронета, когда сэр Реджинальд Мальвин Бернард Лисль вновь стал главным действующим лицом в другой церемонии в той же сельской церкви. Эта церемония проходила без всякого блеска и шума: тело молодого человека покоилось в гробу под тяжелым бархатным покровом, обитом черным сукном и украшенном серебряными гербами и рельефными инициалами, который несли благороднейшие сыны Лисльвуда. После этого на кладбище возле испещренных стихами статуй кавалера Мармэдюка Лисля, почетного камергера ее величества королевы Елизаветы, и Марты, его супруги, стоявших в коленопреклоненной позе друг против друга, появился новый надгробный памятник из дорогого мрамора. Этот памятник свидетельствовал о том, что под ним погребен прах последнего баронета Реджинальда Мальвина Бернарда, сына Оскара. Сэр Реджинальд умер от наследственной болезни, которая преждевременно свела в могилу большинство членов рода Лисль. В продолжение трех поколений глава этого дома умирал по достижении тридцатилетнего возраста, оставляя после себя единственного сына – наследника титулов и богатства. Если бы сэр Реджинальд умер бездетным, баронство наследовал бы один его дальний родственник, любитель музыки и живописи, живший в Неаполе, но сэр Реджинальд последовал примеру отца и деда, оставив шестилетнего сына, бледного и нежного, очень похожего на мать и нравственно, и физически. Сэр Реджинальд и леди Лисль не были несчастны в браке. Супруг любил спорт, лошадей, собак, стрельбу в цель и конные прогулки – все те развлечения, которым так охотно предаются джентльмены, имеющие много денег и не имеющие никаких дел. У него была ферма, и он начал применять на ней новые системы земледелия, что потребовало громадных расходов и в результате и не дало ничего, однако эти попытки занимали его, и он заставлял молодую жену ходить с ним через вспаханные поля и сенокосы в дождь и жестокий зной, против чего она не протестовала.

Он устраивал скачки, оживляя весь Лисльвуд присутствием прекрасных беговых лошадей и жокеев, однако и это удовольствие, как и все другие, вскоре приелось баронету. В одно прекрасное утро в газете появилось объявление о продаже беговых лошадей сэра Реджинальда Лисля, «включая Клэрибелля, постоянно одерживавшую победы на скачках». Со временем ему надоело и все остальное, все потеряло цену в его пресыщенных глазах. Клэрибелль была тиха, мягка, хотя и не нежна. Она сопровождала скучающего мужа, когда ему вздумалось путешествовать, и пила воды в Спа, когда он велел ей это, пробегала с ним по картинным галереям, заполненным произведениями фламандской и итальянской живописных школ, не умея отличить одну от другой и принимая Тициана за Тэниера, а Сальватора Розу за Рубенса. Если бы он предложил ей взойти на Монблан, она храбро взобралась бы на самую вершину, даже если бы это могло стоить ей жизни. Подобное рабское послушание, сопровождавшееся спокойной улыбкой, нельзя было назвать прирожденной кротостью: в нем скорее выражалась полная апатия ко всему окружающему, поскольку для нее это было легче, чем чему-то противиться или сопротивляться. Она слушала баронета, когда он говорил, и летними вечерами читала ему

вслух описания боксерских боев, помещенные в «Бель-Лейф», не понимая ни слова читала. Она садилась в его фаэтон, чтобы ехать на какие-нибудь скачки, хотя была не в состоянии отличить победившую лошадь от прочих и едва помнила клички своих пони. Когда сэр Реджинальд хворал, она ухаживала за ним с величайшей заботливостью, если он начинал сердиться, она без возражений переносила его вспышки, если он был печален, она всегда старалась успокоить его, а когда он скончался, горевала о нем. Она покинула Лисльвуд тотчас же после похорон, уехав на воды, находившиеся где-то в Суссексе, сопровождаемая только сыном и горничной. Огромный великолепный замок с его прекрасными комнатами, в которые недавно вошла мрачная смерть, наводил на нее какой-то странный ужас, а вид темных аллей расшатывал ее нервы. Тетка ее умерла вскоре после ее замужества, и у нее не осталось ни родных, ни друзей, вследствие чего она страстно привязалась к единственному сыну и всецело посвятила ему себя. Вспоминала ли она о прекрасном капитане с тех пор, как стала свободной? Может быть, и в этом нет ничего странного: ведь она так терзала этого человека восемь лет тому назад! Ей не было известно, жив он или умер, и она не имела ни малейшей возможности узнать о его участи. Сэр Реджинальд никогда не произносил имени своего экс-приятеля, и она не смела даже думать о Вальдзингаме: по мнению ее, было нечестно помышлять о ком-то, когда муж недавно сошел в могилу, и серебряные украшения его гроба еще не успели потускнеть в сыром склепе. Она начала путешествовать с сыном, показывая ребенку громадные, мрачные соборы, которые она некогда посещала со своим отцом. Они посетили Антверп, Кельн, Брюссель, Мюнхен и после шестимесячного путешествия вернулись в Лисльвуд. И вот на другой день после своего приезда она вновь увидела Артура Вальдзингама – на том самом месте, где оставила его восемь лет тому назад.

III. Новый владелец Лисльвуд-Парка

С момента возвращения индийского офицера прошло полгода. Стоял март, и вершины дубов прекрасного лисльвудского парка гнулись под напором мартовского ветра. Лисльвуд – громадное, великолепное поместье: на много километров тянутся его земли, составляющие вместе с замком собственность молодого баронета. За обнаженными холмами видны довольно порядочного размера фермы, плата с которых взимается сэром Рупертом Лислем после сенокоса, жатвы, стрижки овец или убоя свиней. Можно пройти много миль по тенистым проселочным или по ровной большой дороге, миновать леса низкорослой сосны и множество разбросанных между холмами деревень – и вы все еще будете на землях сэра Руперта. Спросите где хотите: кто владелец этой дороги, осененной орешником и шиповником, этих сочных лугов за изгородами или этих красивых коттеджей? Спросите кого хотите, и вам непременно ответят: «Это собственность сэра Руперта Лисля». Если вы остановитесь в деревенской гостинице и поднимете глаза на грубую вывеску, качающуюся над входом, то прочтете: «Герб Лисля», или «Корона баронета», или же «Гостиница сэра Руперта Лисля». Если во время прогулки по окрестностям Лисльвуда вы увидите какого-нибудь фермера, присматривающего за работниками, стоя на стоге сена или в дверях житницы, знайте: это один из ленников сэра Руперта. Имя «Лисль» – такое же древнее и знаменитое в Суссексе, как Гастингская битва: Оскар, один из лордов Лисль, командовал в этом страшном сражении полком стрелков, который помог победить Гарольда, короля англосаксов. Жалованные грамоты и титулы семилетнего баронета могли бы покрыть собою самую длинную аллею Лисльвуд-Парка, если бы кому-нибудь пришлось в голову развернуть их во всю длину. Церковь Лисльвуда заполнена памятниками и трофеями этого старинного рода, знамена, отбитые у неприятеля при Кресси, Гарфлоре и Флоддене, лоскутьями висят на портретах кавалеров и воинов, прах которых покоится под плитами храма, а в ризнице, бывшей некогда часовней Лисль, почтенный ректор постоянно задевает стихарем за превосходнейшие скульптуры. Куда ни взглянешь, повсюду взор встречает знатное имя Лисль: оно написано на стенах, покрытых изречениями на исковерканном латинском языке, оно красуется на органе, пожертвованном церкви дедом настоящего баронета, и над папертью, где, согласно завещанию шестого баронета, еженедельно раздают хлеба неимущим жителям Лисльвуда.

Налюбовавшись всеми этими памятниками старины, этим материальным доказательством знатности и богатства рода Лисль, с недоумением обнаруживаешь, что владельцем этого громадного поместья является бледный, болезненный мальчик, вяло играющий в саду. Неужели и вождь нормандских стрелков – могучий гонитель саксонцев, и герои Кресси и Флоддена, все эти благородные роялисты, сражавшиеся под знаменами Руперта дю-Рин, и храбрые джентльмены, одержавшие победу над надменным сыном Луси Ветера в Местон-Муре – эти гордые, неустрашимые люди оставили после себя только слабого ребенка с золотистыми волосами, чтобы наследовать всю их славу и богатство?

Казалось, тяжесть громадного наследства должна была бы раздавить такое слабое и нежное создание, а ведь у него даже не было никаких близких родственников, с которыми он мог бы его разделить. Все, что принадлежало его матери, со временем тоже должно было перейти к нему, вдали от света и людей, изнывавших в бесконечной борьбе, он, казалось, тяготился своей баснословной роскошью...

Мартовский ветер гнул голые ветви дубов Лисльвуд-Парка, а леди Лисль, ныне миссис Артур Вальдзингам, ожидали с континента, куда она отправилась после своей свадьбы с индийским офицером.

Вторая свадьба Клэрибелль была обставлена совсем не так, как первая. Холодное пасмурное утро неприветливо встретило крестьянских детей, выстроившихся в ряд вдоль дороги,

которая вела в церковь, и на этот раз путь невесты не был усыпан цветами, потому что зима стояла необычайно холодная, и в лисльвудских садах не удалось отыскать ни одного подснежника. В это февральское утро ледяной ветер раздувал шелковое платье новобрачной и ерошил черные волосы молодого мужа. Ректор, не попадая зуб на зуб, совершал свадебный обряд, а проливной дождь барабанил в окна, заглушая его монотонный голос, а рука новобрачной так дрожала, что она едва справилась с пером, которым вписала свое имя в метрическую книгу.

На этой свадьбе не присутствовал никто из посторонних: нотариус леди Лисль покинул ее, а соседи не были приглашены. Экипаж леди Лисль ожидал у ворот кладбища, чтобы отвести новобрачных на железнодорожную станцию, находившуюся в нескольких милях от Лисльвуда, откуда они отправлялись в Довер, где намерены были сесть на какой-нибудь пароход, который доставил бы их на материк. Леди Клэрибелль как будто совестилась, что выходит замуж за своего обожателя, который был некогда отвергнут ею. Казалось, она хочет, чтобы брачная церемония поскорее закончилась, чтобы можно было бежать из Лисльвуда, где ее все знали. Она кинулась на холодные плиты ризницы и нежно прижала к себе маленького баронета. Первый раз в жизни она при людях поддалась сердечному порыву, и такая чувствительность удивила присутствовавших.

– Не поступила ли я дурно по отношению к тебе, мой Руперт? – воскликнула она. – Не неприятен ли тебе этот брак?

Капитан стоял, отвернувшись от матери с сыном, и каким-то неопределенным взглядом смотрел в окно ризницы, за которым стояли дрожащие от стужи дети, горевшие желанием увидеть новобрачную.

– Вы готовы, леди Лисль? – спросил он наконец.

Она не ответила, однако отослала от себя сына, жадно следя за ним глазами, пока он выходил из ризницы. Услышав стук колес экипажа, увозившего сэра Руперта в Лисльвуд, она взяла капитана под руку, простилась с ректором и вышла тоже из церкви. Крестьянские дети заметили ее бледное лицо, полные слез глаза и светло-русые волосы, мокрые от дождя и растрепанные ветром, заметили они и то, что лицо капитана было еще бледнее и рука его дрожала, когда он отпирал ворота кладбища.

Пролетели шесть недель, отведенных на брачную поездку. Новобрачных ждали с минуты на минуту, во всех комнатах пылал яркий огонь.

К свадьбе сэра Реджинальда с богатой мисс Клэрибелль замок вновь отремонтировали и отделали. Старинные дубовые панели времен одного из первых Генрихов отполировали и украсили позолотой и разноцветными гербами. Перед овальными зеркалами в дорогих резных рамах красовались консоли из золота, серебра, бронзы, черного дерева и стали. В громадной библиотеке, вся мебель которой была сделана из дуба с золотыми украшениями, прорубили сводчатые окна. Рамы фамильных портретов, висевших по бокам двух великолепных лестниц в передней, соединявшихся на широкой площадке, откуда вокруг всего замка шли две галереи, покрыли позолотой, а сами картины отреставрировали. Парадная гостиная была убрана в новейшем вкусе: светло-желтые стены, серебристые карнизы и белая шелковая драпировка, отделанная бахромой самого нежного розового цвета. Пол покрыли ковром, на котором по белому фону были искусно разбросаны букеты полурасцветших роз. Кресла и диваны из какого-то белого дерева, блестящего, как слоновая кость, обтянули белой шелковой материей и украсили бахромой, их можно было привести в движение легким прикосновением руки – и они начинали скользить по ковру, не оставляя ни малейшего следа.

Эта гостиная сообщалась с другой – меньших размеров, обитой зеленой материей, из нее потайной ход вел в комнаты леди Лисль, отделявшиеся от прочих помещений длинным коридором. Столовая, меблированная согласно требованиям времени, с зелеными бархатными драпировками и зеленым турецким ковром украшена древними статуями, картинами итальянских знаменитостей и фамильными портретами.

В каминах пылал яркий огонь, в серебряных и хрустальных люстрах в честь предполагаемого возвращения новобрачных были зажжены все свечи, белые как снег скатерти, серебряная посуда и огромные позолоченные судки, стоявшие в столовой на буфете, роскошная спальня с драпировками из лилового бархата на белой атласной подкладке, защищенная от сырости двойными рамами уборная, зеркала и фарфоровые безделушки невероятной цены, пушистые аксминстерские ковры, превосходно выдержанная прислуга, говорившая тихо и ходившая неслышно, осторожно, дорогие вина в серебряных жбанах, утонченная кухня, которой заведовал искусный француз – все это богатство, весь этот блеск и комфорт, вся эта баснословная роскошь развернулись теперь, чтобы польстить чувствам индийского офицера, который бросил к черту свой капитанский чин (интересно, почему?). Он, еще недавно бедный и неизвестный, чувствовал себя миллионером.

Взглянем же еще раз поближе на красавца воина, сидящего за столом напротив своей жены. Посреди всей этой роскоши он не кажется счастливым. Он держит в руках хрупкий и прозрачный бокал, не замечая, что вино потихоньку льется на стол. Он уже выпил порядочно мадеры, но этот благородный напиток не развязал ему язык и не прояснял выражение его лица. Он сильно изменился с тех пор, как приходил в Лисльвудскую церковь, чтобы неотступно следить упорным взглядом за Клэрибелль Мертон. Кажется, будто эта сильная, гордая, великодушная и беззаботная натура истлела под лучами тропического солнца.

Клэрибелль же почти не изменилась. Красота ее еще не потеряла своей свежести. Голубые глаза остались такими же ясными, она лишь кажется немного солиднее, и тяжелое платье ее с отделкой из кружев шуршит как-то внушительно, когда она проходит по освещенным комнатам.

– Клэрибелль, – начинает капитан, оставшись вдвоем с нею перед камином гостиной, – ваше богатство и величие производят на меня крайне тяжелое впечатление.

– Капитан Вальдзингам!

– О вы, разумеется, не поняли меня. Браки по расчету так приняты, что я не имею права жаловаться, если и на меня смотрят, как на человека, женившегося единственно ради денег, как это нередко делают люди, превосходящие меня во всех отношениях... А все же, Клэрибелль, мне тягостно это великолепие. Я задыхаюсь в этих раззолоченных комнатах, я жалею о вольном казарменном житье, о моей трубке, о моем денщике, которого я осыпал проклятиями, чего я не могу позволить себе с вашими слугами.

Я скучаю о картах, за которыми сидел до тех пор, пока звезды не меркли над крышами Калькутты, об игральных костях и всем том, чего нет в этой золотой клетке. В этом доме я некогда научился страдать и, если бы здесь все не было переделано, мог бы показать вам кресло, которое я схватил, чтобы ударить им сэра Реджинальда в тот день, когда он одержал надо мной победу.

– Вы ударили его? – спросила миссис Вальдзингам с любопытством и страхом.

– Нет, мужчины никогда не дерутся в гостиной, полной посетителей... Непременно найдется кто-нибудь, кто скажет: «Вальдзингам, не будьте смешным!» или: «Лисль, что вы задумали?» Нет, нас разняли, как разнимают сорванцов, дерущихся на улице, а на следующее утро я послал ему вызов.

Ей доставляло какое-то детское удовольствие слушать подробности этой ссоры, но капитану было больно ворошить свои старые раны.

– Что, если бы дух сэра Реджинальда мог видеть меня, сидящего у этого камина, Клэрибелль?

Она с тайным ужасом взглянула на дверь, как будто видела, как она отворяется ее первым мужем.

– Артур, одно время вы были очень дружны с Реджинальдом... вы ведь будете добры к его сыну, не так ли? Вы сделаете это для меня? Богатство может привлечь к нему ложных друзей

и дурных советчиков. Близких родственников у него нет, самым близким ему будет тот, кто станет его прямым наследником, если он умрет бездетным... Я, быть может, не доживу до его совершеннолетия... он слабого здоровья и, как говорят, без особых дарований. Вы вольны сделатья его другом или врагом... вы, конечно, будете ему другом, Артур?

– Да, это так же верно, как и то, что я еще надеюсь пользоваться вашей любовью, Клэри-белль! Я не добр, не умен, но исполню свой долг по отношению к вашему сыну, сэру Руперту Лислю.

IV. У решетки парка

Несмотря на то, что капитан Вальдзингам, долгое время живший в Восточной Индии, не чувствовал себя счастливым в новой обстановке, в Лисльвуде было много завистников, почти ненавидевших его за необыкновенное счастье, выпавшее на его долю. Он обращал очень мало внимания на этих почтенных людей и на образ их мыслей, погруженный в свои безотрадные думы, он не интересовался общественным мнением. Прогуливаясь с ньюфаундлендом в большой аллее, над которой ветви дубов образовали свод, он несколько раз останавливался у железной решетки, которая отделяла парк от проезжей дороги, и смотрел через нее куда-то вдаль. В это время в глазах его было то же грустное, тоскливое выражение, которое, по словам поэта, можно заметить у орла, лишившегося свободы, или у льва, заключенного в клетку.

Знает ли он, что в ту минуту, когда он стоит, заложив руки за спину, у решетки парка своего пасынка, на него устремлены глаза завистников, и что если бы желание могло бы убивать, он тут же упал бы бездыханным?

У окна готической сторожки справа от решетки стоит мужчина лет тридцати. Как и капитан, он мрачен и уныл, а лицо его с резкими чертами потемнело от солнца, он высок, плечист и силен, но выглядит вялым, апатичным. Глубокие морщины окружают его впалые глаза и придают какое-то злое выражение крепко сжатому рту. Он курит, как и капитан, но смотрит сквозь струйки дыма, поднимающиеся из его длинной трубки, взглядом, полным ненависти, зависти, злости и сдержанного бешенства, – взглядом тигра, выжидающего удобный момент, чтобы накинуться на свою добычу. Имя его – Жильберт Арнольд. Десять лет тому назад он был самым отчаянным браконьером во всем Суссексе, ныне же благодаря исправительной тюрьме он преобразился, то есть сделался ленивым и угрюмым, и живет за счет жены, молодой трудолюбивой женщины, которая исполняет должность сторожа главного входа.

Рахиль Арнольд пережила много тяжелых минут с того дня, когда она семь лет назад надела соломенную шляпку с белыми лентами, чтобы идти в Лисльвудскую церковь под венец с браконьером: избранник ее оказался дурным человеком, которому маска раскаяния и религиозности давала возможность вести праздную жизнь. Ему совсем нетрудно было поднимать к небу свои желтоватые глаза, когда усердный ректор заходил в сторожку, чтобы навестить своего протеже, нетрудно было читать душевспасительные брошюры: Жильберт Арнольд очень любил читать их, так как в них обычно громят тех, кто богат, прекрасен, счастлив и могуч – всех тех, кого он ненавидел ненавистью, граничившей с сумасшествием. Нетрудно провести доброго, простодушного пастора, который так горячо желает спасения вашей души, что готов видеть в простом исполнении обряда искреннее стремление к добру. Да, нетрудно делать все это и быть в то же время завистливым, недовольным, ленивым, дурным мужем и негодным отцом, внутренне ропщущим на свое положение. Нетрудно казаться мирным жителем, превосходным человеком и быть на самом деле ужасным негодяем.

У них был только один сын, болезненный и не по летам развитый ребенок, которому недавно пошел восьмой год. У мальчика были светлые волосы и бледное лицо, как у матери, и он был вовсе не похож на своего отца.

– Вот он, Рахиль! – сказал Жильберт, глядя на капитана.

– Кто? – спросила жена, возившаяся у печки.

– Наш новый господин... мне кажется, что его нужно называть: «Капитан какой-то там».

– Капитана Вальдзингама?

– Да, капитана Вальдзингама... Удивительно странное имя, как будто из какой-нибудь комедии или одного из тех романов, что постоянно читает леди, хотя ректор называет их безнравственными... Мошенник и бродяга!.. Я ни за что на свете не поклонюсь ему, пусть знает это!

– О Жильберт! – боязливо прошептала его жена.

Как и все те, кто долго служит у господ, Рахиль принадлежала к партии консерваторов, но она так привыкла к грубому тону мужа, что не придавала особого значения его разглагольствованиям.

– О Жильберт! – повторил он, передразнивая жену. – Да, я недаром называю его мошенником! Он не имел права являться сюда и жиреть на добре покойного сэра Реджинальда? Этот негодяй не имел права, приехав сюда без гроша, втираться в доверие идиотки, которую ты называешь своей госпожой! Нищий бездельник величает себя владельцем Лисльвуда! Да мне тошно было валяться в ногах сэра Реджинальда, а уже перед этим я не унижусь никогда! А вы, верно, хотите, чтобы я сделал это, не правда ли? – сказал он, обращаясь к затылку капитана, который между тем докурил сигару и направился в глубь аллеи.

– Содержать его собаку стоит вдвое дороже, чем прокормить нашего сына, – продолжал Жильберт, когда Вальдзингам исчез из вида. – Взгляни на него, – продолжал он, указывая на мальчика, сидевшего за сосновым столом и уплетавшего молоко с черным хлебом, – эта похлебка не лучше той, что каждое утро дают Волку, я не раз видел собственными глазами!

– Но господа добры и приветливы с нами.

– О Боже! Да, они дают нам то, что плохо для прислуги, но слишком хорошо для свиней. Они дали тебе пять шиллингов, чтобы купить обувь Джиму. А к Рождеству они дарят нам бутылку вина, прекрасного вина, которое превращает всю кровь в огонь и делает нас добрыми, пока мы его пьем! Но что это доказывает?.. Он может пить такое вино каждый день, может купаться в нем, если захочет, и кормить свою собаку на серебре... Видишь баронета в бархатном камзоле, садящегося на пони? Это чистокровный пони, который стоит больше, чем тебе когда-либо удавалось скопить, если даже мы тратились только на самое необходимое!.. А теперь полюбуйся на моего сына в грубой холщевой блузе и башмаках, подбитых гвоздями, между тем я очень хорошо знаю, кто из этих двоих более искусен в разного рода занятиях.

– Да, наш Джимми умный мальчик, – сказала мать, с любовью глядя на сына. – Но ему надо быть добрым и послушным и не мучить поросят и кур, потому что это очень гадко.

– Черт тебя побери! – воскликнул браконьер. – Я вовсе не желаю сделать из него бабу. Пусть мучает поросят, сколько ему угодно, я делал то же самое, когда был в его возрасте!

Жильберт Арнольд, целые дни проводивший с трубкой в зубах, заложив руки за бархатную жакетку, вовсе не походил на человека, примеру которого было бы полезно следовать. Может быть, эта мысль мелькнула в голове его жены, когда она, вздыхая, снова принялась за дело. Он любил, когда она работала до изнеможения, и часто упрекал ее в лени, между тем как сам стоял за дверью, наблюдая за всем, что происходило в коттедже. Но случилось, что он горько смеялся над ее прилежанием и, указывая на замок трубкой, которая почти постоянно была в его руках, спрашивал: не думает ли она купить себе такой же дом?

У Жильберта Арнольда предрасположенность к ненависти, зависти и злобе была намного сильнее, чем у других людей его положения. Он презирал индийского офицера, но он презирал и сэра Реджинальда, хотя последний и подарил его жене готическую сторожку и назначил очень хорошую еженедельную плату, кроме того, простил Жильберту множество проступков, совершенных в Лисльвуде. Он ненавидел белокурого мальчика, который проезжал мимо него на своем чистокровном пони, и завидовал его прекрасному замку, убранство которого стоило так дорого, ему хотелось бы сбросить баронета с седла и втоптать его в грязь. В лунные ночи он стоял на крыльце, глядя на замок и желая, чтобы это величественное здание вдруг объяло пламя, и оно превратилось бы в груду безобразных дымящихся обломков.

– Горят же другие дома, а этот никак не сгорит! – бормотал он со злостью.

Одно время в Лисльвуде свирепствовала оспа, и Жильберт находился в необычайно приподнятом расположении духа, но страшная гостья ушла, так и не постучав своей костлявой рукой в ворота Лисльвуд-Парка.

– Умирают же у других дети, а этот все живет! – рассуждал Жильберт.

Но хотя благодаря неутомимым заботам нянек и докторов баронет и избежал различных опасностей, угрожающих детям, он казался не особенно крепким. Он был слишком мал ростом, чрезвычайно апатичен и учился с трудом, физические упражнения не нравились ему, к книгам и картинкам он тоже не чувствовал никакого влечения. Целыми днями он сидел в своей комнате, не делая ничего, и даже сестра на пони его заставляли только насильно. Он был не больше семилетнего сына Жильберта и гораздо слабее его. Он не был ни привязчив, ни нежен и довольно равнодушно относился к своей матери, которая боготворила его. Казалось, что он симпатизирует только сыну Жильберта, останавливал своего пони перед калиткой, когда Джеймс Арнольд играл в саду, и задавал ему сотни детских вопросов, между тем как Жильберт, притаившись за дверью, смотрел на детей своими кошачьими глазами.

Следует отметить, что Жильберт всегда избегал дневного света. Даже дома, в своих четырех стенах он как будто прятался от врага. Быть может, это в нем было от прошлого, когда он подолгу прятался в кустах или лежал во рву. Он ходил по комнатам тихо и осторожно, будто ожидая, что из-за угла вот-вот выскочит какой-нибудь лесничий или констебль. Он не занимался ни своим домом, ни своей наружностью: по несколько лет подряд носил один и тот же бархатный сюртук, на котором болтались стеклянные пуговицы, пестрый шерстяной галстук, широкие старые панталоны, подаренные ему еще покойным баронетом, и худые, стоптанные сапоги. Капитан Вальдзингам во время одной из своих утренних прогулок заметил его, стоящего в дверях сторожки, и начал кланяться ему, на что Жильберт отвечал каким-то ворчанием, которое должно было отбить у капитана всякую охоту к разговору.

Однако мало-помалу Вальдзингам заинтересовался этим человеком, его угрюмый вид и нелюдимость возбудили в нем желание побольше узнать о его прошлом, и он начал наводить справки.

– Раскаявшийся браконьер, – повторил он задумчиво, когда один из лакеев сообщил ему некоторые факты из биографии Жильберта Арнольда, – старая острожная дичь, ленивец, ханжа, живущий трудами жены, которая слишком добра к нему... Да, я с самого начала считал его таким!

С тех пор нелюдимый сторож стал предметом особенного внимания капитана, он начал заговаривать с ним, хотя с трудом мог вытянуть из него пару слов, и видел, что Жильберт крайне недоволен такой настойчивостью. Капитан расспрашивал его о прошлом, о том, не был ли он счастливее, когда занимался ремеслом браконьера и сидел в тюрьме, но Жильберт был слишком лицемерен, чтобы отвечать на эти вопросы откровенно, и уверял, что искренне раскаивается в своих прежних заблуждениях, при этом он приводил множество цитат из религиозно-нравственных брошюр, которые давал ему читать ректор.

Все это не охладило живого интереса, который капитан чувствовал к экс-браконьеру: редко бывало, чтобы он проходил мимо, не поговорив с Жильбертом, казалось, что глаза сторожа, сверкавшие из-за косяка двери, имели какое-то особое магнетическое влияние на капитана, вроде того, что производит на маленькую птичку взгляд кошки.

– Это один из тех людей, встречаясь с которыми в глухом месте ночью, хорошо иметь с собой здоровую палку и хороший пластырь, – пробормотал однажды капитан после беседы с Жильбертом Арнольдом. – Он делал много предосудительного в молодости и теперь ненавидит себя – так же, как ненавидит других за то, что они не похожи на него. Он низкий, лицемерный, подлый трус, я убежден в этом, а между тем мне приятно видеть его и говорить с ним.

V. Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней

Аллеи Лисльвуд-Парка покрылись густой листвой. Прошло полгода с тех пор, как Артур Вальдзингам женился на женщине, которую он любил так давно. Они завтракали в библиотеке за маленьким столом, придвинутым к окну с разноцветными стеклами, по милости которых снежно-белая скатерть и кисейный пеньюар миссис Вальдзингам казались окрашенными во все цветами радуги. Комната была залита мягким солнечным светом, и сэр Руперт Лисль невольно щурил свои голубые глаза. На столе стояли вазы из севрского фарфора, наполненные сочными виноградными кистями среди широких резных листьев, паштет из голубей, окруженный красивым бордюром из белой бумаги, банки с консервами и медом и превосходный серебряный чайный сервиз. В открытое окно вливался аромат тысячи роз, шум ручья, впадавшего в озеро, жужжание пчел, пение птиц, жалобное мычание коров, проходящих мимо парка, и мурлыканье ангорской кошки, лежавшей на широком подоконнике, – все это сливалось в приятный шум, создававший атмосферу домашнего уюта.

– Клэрибелль, – сказал капитан, – я не думаю, что за все лето был день прекраснее этого. Я хочу пригласить вас на прогулку, я возьму и вас, сэр Руперт. Ведь вы пойдете с нами гулять, баронет?

Капитан любил величать своего пасынка этим титулом, казавшимся несовместимым с бледным, худым мальчиком, которому он принадлежал и которому весьма нравился.

– Хотите, баронет, – продолжал капитан, – проехаться к косогорам, а оттуда – до тех деревенок на Лондонской дороге? Дети прибегут смотреть на ваш фаэтон, ваших прекрасных лошадей и ливрейных лакеев, хотите, баронет?

– Да, если вы этого желаете, папа.

– А вам, Клэрибелль, угодно ли совершить подобную прогулку?

– Если вы желаете, Артур, – ответила она, очищая персик и не поднимая глаз.

В это время вошел лакей и положил утренние газеты перед капитаном.

– А! «Таймс» и «Мюрнингпост»! Да хранит Небо наши железные дороги, которые доставляют нам лондонские новости в десять часов утра... Вот и «Брайтонская газета»!

Капитан развернул прежде всего именно эту газету, поскольку Лисльвуд-Парк находился всего в двадцати милях от Брайтона.

– Лансы, двоюродные братья моего отца, ежегодно проводят этот месяц в Брайтоне, – сказала миссис Вальдзингам. – Посмотрите, Артур, нет ли в газете их имен.

– Где их искать?

– В списке прибывших, во всех газетах есть такие списки. Они останавливаются в гостинице «Корабль».

– Хорошо, посмотрим.

Неужели августовское солнце так сильно подействовало на капитана, что он вдруг потерял способность продолжать чтение, поднялся и зашатался, пытаясь опереться о подоконник? Летний ветерок вырвал газету из рук капитана, или эти сильные руки задрожали, как лист в осеннюю бурю? Что это значило? Что стало с Вальдзингамом?

– Артур! Вам нездоровится? Вы страшно побледнели, – вскрикнула Клэрибелль.

Капитан смял газету и, откинув волосы со лба, произнес самым естественным тоном:

– Вы спрашивали о Лансах? Их имена здесь не упоминаются.

– Но что заставило вас вскочить так внезапно, Артур?

– О, ничего!.. Мне просто стало дурно, от жары закружилась голова.

– Как вы меня испугали, капитан Вальдзингам! Я подумала, вы потеряли рассудок!

– Дорогая Клэрибелль, временами я и сам готов так думать.

– Дайте мне газету, может быть, я найду в ней что-нибудь о Лансах.

Он подал ей газету, снова уселся в кресло и начал рассматривать обои.

Клэрибелль внимательно просмотрела список вновь прибывших в Брайтон.

– Нет, – сказала она, – они еще не прибыли. В гостинице «Корабль» остановился только какой-то майор Гранвиль с женой. Очень симпатичное имя, не так ли, Артур?

– Какое? – спросил он рассеянно, не оборачиваясь к жене.

– Гранвиль Варней.

– О да! Очень милое имя. Майор служит в индийской армии.

– Вы знаете его?

– Очень хорошо, он служил в одном полку со мной... Я прикажу заложить лошадей. Наденьте вашу шляпку, Клэрибелль, я повезу вас в Меркэм-Вуд. Во время прогулки я хочу сделать вам одно предложение.

– Предложение?

– Да, или, вернее сказать, хочу попросить вас об одном одолжении. Идите же и наденьте вашу шляпку, как доброе и послушное дитя, которым вы были всегда. Вы, Руперт, ступайте за вашей фуражкой, а я пойду в конюшню.

Он вышел из библиотеки уверенной походкой кавалерийского офицера, но в передней он потребовал стакан воды и выпил его залпом. Слуга, подавший воду, был удивлен его расстроенным видом.

– Не подать ли вам чего покрепче, сэр? – спросил он с беспокойством.

– Да, Ричард, я пойду в столовую, и вы мне подадите рюмочку вина.

Капитан Вальдзингам сел за стол, уставленный всевозможной серебряной и хрустальной посудой, и вдруг упал в обморок, беспомощно откинув бледную голову на плечо эконома. Употребив все силы, чтобы разжать ему рот и влить несколько капель французской водки, слуга уж решил послать за миссис Вальдзингам, когда капитан открыл глаза и произнес:

– Ради Бога, не говорите госпоже ни слова о том, что случилось со мной!.. Подобные припадки часто бывали у меня в Индии. Мы, военные, ведем чрезвычайно беспокойную жизнь, вследствие чего делаемся слабыми и нервными, как капризные женщины.

Он вышел из столовой, не дожидаясь ответа, вернулся в библиотеку и поднял с пола газету.

– Майор Гранвиль Варней и миссис Гранвиль Варней, – пробормотал он, – всего в двадцати милях отсюда. Они услышат обо мне и придут сюда, чтобы дразнить меня и унижать, чтобы свести меня с ума и погубить окончательно. Они напомнят мне про адский договор, который заключен ими со мною, и будут требовать его выполнения... Безумный я, безумный! Я должен был предвидеть, что мне не удастся убежать от ужасного прошлого. Я похож на того старого браконьера, который вечно прячется, но не может скрыться от людских глаз, – говорил капитан, порывисто расхаживая по комнате. – На нас обоих лежит клеймо! – продолжал он, смеясь. – И нас легко узнать!.. Этот человек может служить мне зеркалом! Я похож на него: курю целыми днями, шляюсь без дела и скрываюсь. Однако не смогу ли я сбить их с дороги посредством какой-нибудь искусной комбинации?.. Клянусь Небом, это возможно, если она поможет мне в этом!

Не успел он произнести это, как вошла Клэрибелль, ведя за руку сына. Личико ее под соломенной шляпкой лучилось улыбкой, на плечах была прозрачная накидка с кружевами.

– Клэрибелль, – начал капитан, когда они сели в фаэтон, на запятках которого стояли два грума, – вы сегодня так очаровательны, что не откажите мне в милости, о которой я хочу просить вас.

– Ну так выскажите вашу просьбу, Артур, – ответила она весело.

– Мне бы хотелось провести с вами эту осень за границей, – сказал он, глядя на нее с беспокойством.

– За границей?.. Хорошо!.. В Париже?

– Дальше Парижа.

– Дальше Парижа?!. В Италии? В Германии?

– Нет, ни в одной из этих стран... я хочу заставить вас предпринять настоящее путешествие, Клэрибелль, я хочу увести вас в пустыню, довести до Геркулесовых столбов. Согласны ли вы на это?

– Но туда же, кажется, никто не ездит, – заметила она.

– А зачем нам ехать туда, где бывают все, Клэрибелль? Нам нет необходимости отправляться в Баден, чтобы видеть лондонских лавочников, спускающих состояние за рулеткой, или в Неаполь или Флоренцию, чтобы слушать болтовню туристов с путеводителем Муррая в руках. Нет, Клэрибелль, я мечтаю похитить вас у общества... Хотите следовать за мною?.. Если вы любили меня когда-нибудь, скажите «да», – добавил он с каким-то странным подъемом. – Скажите же «да», моя возлюбленная, и дайте мне возможность бежать с вами из этой проклятой страны!

Мы уже отметили, что Клэрибелль как будто побаивалась капитана, потому она согласилась на это предложение так же, как исполнила его просьбу поехать с ним к косогору – без всякого протеста.

– Да, Артур, – произнесла она, – я отправлюсь с вами... но мне кажется, что вы сумасшедший.

– Я уже говорил вам, что в этом нечего сомневаться, но вы – кроткое, доброе, прелестное создание, – вы сделали меня счастливейшим из смертных! Раскурите мне сигару, и вы увидите, как ловко я сделаю поворот и въеду в лес.

Богатая вдова баронета была покорной женой бедного офицера: она позволяла ему курить в парадной гостиной и сама раскуривала сигары во время дороги. Если бы она была в состоянии любить еще кого-нибудь, кроме своего сына, то она от души полюбила бы этого красивого, пылкого, безумного офицера, который некогда так смело ухаживал за нею, но она боялась его припадков меланхолии и порой подолгу изучала меняющееся выражение его мрачного лица, когда он сидел, погружившись в размышления и теребя усы.

На этот раз капитан был в хорошем расположении духа. В лесу все вышли из экипажа, и один из грумов понес корзину с цыплятами, абрикосами и двумя бутылками рейнского вина.

Клэрибелль и Руперт были в восторге от пикника. Капитан сам расставил все на скатерти, разостланной под старым деревом на густой траве, уселся на один из толстых узловатых корней и с улыбкой любовался женой и мальчиком.

– Как вы прелестны, моя Клэрибелль! – сказал он. – Сэр Руперт, украсьте волосы вашей матери дубовыми листьями. Нет, нет, не так! Сделайте гирлянду. Моя белокурая возлюбленная, вас можно принять за доброго гения этой местности! Какой же я счастливец, Клэрибелль: у меня есть жена, волосы которой напоминают янтарь моих трубок, и она согласна ехать со мною на поиски Геркулесовых столбов!.. Вы купили меня, миссис Вальдзингам, точно так, как вас купил сэр Реджинальд Лисль. Это своего рода закон возмездия, как выражаются наши соседи: вы платите за мое платье, мои сигары, за вино, которое я пью, платите лакею, услугами которого я пользуюсь, и на вас лягут расходы по путешествию, которое я предпринимаю, чтобы сбежать от своих воображаемых демонов.

Был уже седьмой час, когда они поехали обратно в замок. Рахиль Арнольд отворила ворота парка, а белокурый мальчуган, цепляясь за складки ее платья, пристально смотрел на другого мальчика, тоже белокурого, который сидел в фаэтоне между мистером и миссис Вальдзингам. Жильберт стоял, облокотившись на решетку своего садика, и курил свою грязную глиняную трубку: он едва пошевелился, чтобы снять поношенную шапку, когда экипаж проезжал мимо. Он был, по обыкновению, непричесан, небрит, неопрятен, усиленно моргал кошачьими глазами, и тень его ложилась прямо под копыта лошадей, бежавших крупной рысью.

Капитан с женой весь вечер обсуждали проект путешествия. Решено было ехать как можно скорее, так как нетерпению капитана не было границ: он готов был отправиться в путь хоть сейчас же. Они решили взять с собою сэра Руперта и двух слуг. Чтобы не терять лишнего времени, хотели ехать в Лондон на курьерском поезде, покинуть Англию немедленно, а все необходимое закупить во Франции, через которую им предстояло ехать.

– Каким красивым кажется мне сегодня наш дом, Артур, – сказала миссис Вальдзингам, когда муж высадил ее из фаэтона и они вошли в переднюю, убранную экзотическими цветами. – Я бы хотела, чтобы вы привыкли к жизни в Англии.

– Я тоже этого хочу, Клэрибелль... Да, дом очень хорош, а меня можно считать вторым Каином, если я способен бежать из этого рая.

Они еще не покинули переднюю, как лакей подал им серебряный поднос, на котором лежали две визитные карточки: мужская и женская.

– Что это? – спросил капитан рассеянно. – Положите их в корзинку для визитных карточек, миссис Вальдзингам.

– Но эти господа здесь, капитан. Они желали дождаться вашего возвращения и теперь рассматривают картины в столовой.

– Картины!

Капитан снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

– Что это за люди, Клэрибелль? – спросил он жену, взявшую в руки карточки.

– По истине странное совпадение, Артур! Это ваши индийские друзья, майор Варней с женой – те самые, имена которых мы прочли в списке вновь прибывших в Брайтон.

В это мгновение дверь столовой отворилась, и показалось смеющееся лицо.

– А вот и он, наш милый товарищ! Наконец-то я нашел вас, старый лис!.. Артур, я отыскал вас! Старый друг... старый, хитрый лис! Дорогой товарищ!

При этих словах майор Гранвиль разразился неудержимым хохотом. Он кинулся к своему «дорогому товарищу», к «старому лису» и несколько раз крепко пожал ему обе руки. Без сомнения, это свидание доставляло ему величайшую радость, и в порыве этой радости он, как безумный, повторял одни и те же фразы. Это был высокий и сильный мужчина со свежим румяным лицом. У него были голубые глаза, чрезвычайно белые и блестящие зубы, розовые губы, прекрасный цвет лица и каштановые, с золотистым оттенком, усы и волосы. Общее впечатление было, если можно так выразиться, ослепительным: на него невозможно было долго смотреть, как на солнце. Ему очень шли широкий домашний костюм, пальто с бархатными отворотами и жилет лимонного цвета, галстук был повязан весьма небрежно, на часовой цепочке болталось множество брелочков, а пальцы унизаны перстнями. Гость сверкал и блистал с головы до ног, и казалось, что он распространяет вокруг себя какое-то сияние.

«Старый лис», бледный и угрюмый, оказал ему очень холодный прием, представив его миссис Вальдзингам. Майор был в восхищении.

– А я и не слыхал, что старый повеса женился, – сказал он. – Верите ли, сударыня: наш дорогой Артур скрыл это радостное событие от своих калькуттских друзей! От друзей, которые любят его так искренно и имеют тысячу причин рассчитывать на его взаимность. Я узнал о его браке только сегодня утром, случайно, в гостинице «Корабль». Рассказать вам, Артур, как это случилось? Миссис Варней вздумалось прокатиться, я начал было объяснять ей, что в окрестностях Брайтона нет ничего такого, чего бы мы уже не видели, но миссис Варней настояла-таки на своем, и я спросил слугу, есть ли поблизости какой-нибудь замок, который стоит осмотреть. Слуга назвал Лисльвуд-Парк. «Прекрасно! Что это за Лисльвуд-Парк?» – «Резиденция сэра Руперта Лисля». – «Прекрасно! Мы хотим взглянуть на сэра Руперта Лисля». Нам и в голову не приходило, чтобы сэр Руперт Лисль – молодой джентльмен, бегающий в бархатной курточке. Прекрасно! Мы, явившись сюда, просим показать нам замок. Нам отвечают, что его никому не показывают. «Что? Никому?!» – восклицаем мы печально. «Никому! –

повторяют ваши слуги. – Капитан Вальдзингам имеет на то особые причины». Капитан Вальдзингам! Представьте мое удивление, когда я услышал это имя, дорогой друг! Ведь во время вашего пребывания в Калькутте, помнится, вы не были владельцем Лисльвуд-Парка!.. Представьте мою радость, мое счастье при вести о счастье моего друга!.. Ну дай еще раз руку, старый лис!

– Не разыгрывайте из себя сумасшедшего, майор, – сухо ответил капитан.

– И он даже не спросит о бедной Аде, которая зевает перед картиной Рубенса – собственностью сэра Руперта Лисля, что висит над камином в той комнате, – продолжал майор, указывая на дверь гостиной. – Нужно вам заметить, что эта картина (между нами и при всем моем уважении к баронету, который еще слишком молод, чтобы быть хорошим знатоком) не что иное, как копия!.. Да, Артур, да, дорогой друг, это просто копия, и мне кажется, что я знаю того, кто писал ее – внука антверпенского жида, миссис Вальдзингам, жида, но гения. Отличительная черта этого семейства – рубенсовский колорит, и любой торговец картинами может тотчас указать вам на работу одного из его членов.

Капитан грустно опустил глаза на свои запыленные сапоги, между тем как майор сиял лучезарной улыбкой, как будто ожидал услышать что-то очень приятное.

– Артур, – снова заговорил мистер Гранвиль, разглаживая усы своей красивой рукой, сверкавшей драгоценными камнями, – неужели вы не спросите меня об Аде?

– Ах да! – сказал капитан. – Как здоровье миссис Варней?

– Миссис Варней! – повторил майор тоном глубочайшего упрека. – Дорогая миссис Вальдзингам, верите ли, что в течение двух лет эти милые дети постоянно называли друг друга Артуром и Адой?.. Но пойдемте же, гадкий капитан, пойдем взглянуть на вашего старого друга... Миссис Вальдзингам, моя жена будет очарована вами, а вы будете очарованы моей женой. Вы обе молоды и в высшей степени прекрасны, – добавил он с поклоном. – Одна из вас такая живая, другая – тихая и спокойная... Ада! – позвал он, повысив голос.

– Что, дорогой?

Эти два слова были произнесены таким чудным голосом, что, казалось, он проникал прямо в душу, затрагивая в ней самые тонкие, самые нежные струны. Миссис Варней появилась на пороге гостиной и остановилась в дверях, так что ее можно было принять за прекрасную картину в раме, а зеленая бархатная драпировка двери довершала иллюзию. Свет из большого окна передней падал прямо на молодую женщину, и она была так прелестна, что, казалось, солнце сосредоточило на ней все свои лучи, оставляя окружающих в тени. На ней было шелковое платье, расшитое серебром, с фиолетовыми бантами и бахромой. Черная кружевная шаль спускалась с ее плеч и красивыми складками падала вокруг ее талии. Она была без шляпки, и ее темные локоны, откиннутые назад, в беспорядке вились вокруг шеи. В лице ее было много чисто восточных черт: небольшой тонкий нос, черные томные продолговатые глаза, полузакрытые длинными шелковистыми и тоже совершенно черными ресницами. Полные губы ее были ярко-красными, а лицо смуглым и бледным. Эта роскошная красота в сочетании с детским выражением лица была полна какого-то особенного обаяния. Враги ее, не смея отрицать, что она прелестна, приписывали ей еврейское происхождение – вот и все, что они могли сказать о ней предосудительного.

Несколько минут она стояла неподвижная, как статуя: казалось, что она ждет, когда пройдут восторг и удивление, вызванные ее появлением, – а потом, протягивая свою маленькую ручку, обтянутую изящной перчаткой, подошла к капитану, который тоже смотрел на нее, как будто видел ее в первый раз.

– Капитан Вальдзингам, неужели вы совсем забыли Калькутту? – спросила она.

– Забыл Калькутту?.. Я готов биться о заклад, что нет, – с громким смехом заметил майор.

– Вовсе нет, миссис, – ответил Артур, – почти для всех прошлое – весьма дорогостоящий учитель, но он был бы плохим, если б мы так скоро забывали его уроки.

– Он читает нравоучение, как автор какого-нибудь романа в последней главе, – сказал майор, продолжая смеяться... – Старый лис! Устроился-таки наконец, как выражаются у нас, по ту сторону пролива. Однако, Артур, представьте-ка друг другу наших дам.

Смуглое лицо капитана омрачилось еще больше.

– Это едва ли необходимо, – ответил он. – Мы с женой завтра отправляемся на материк... Пойдемте, Клэрибелль, пойдемте, баронет.

Он взял мальчика за руку и направился к библиотеке, решительно повернувшись спиной к майору и его прекрасной жене. Миссис Вальдзингам посмотрела на него с недоумением. Он часто бывал резким и странным, но она ни разу еще не видела его таким невежливым и грубым. Майор между тем ничуть не смутился: он тихо засмеялся, и, прежде чем капитан Вальдзингам успел выйти из передней, запел своим прекрасным тенором: «Не уходи, настал твой час!»

Артур Вальдзингам вдруг остановился, будто увидел перед собой дуло пистолета.

– Вернитесь, дорогой товарищ, – проговорил майор, закончив куплет великолепнейшей руладой. – Вернитесь, мой друг, и познакомьте миссис Вальдзингам с миссис Варней, познакомьте их, Артур, и измените свое намерение отправиться на континент. По-моему, это самое благоразумное, что вы можете сделать.

Капитан представил друг другу обеих женщин, и Клэрибелль почувствовала живейшую симпатию к прекрасной гостье.

– Не пригласить ли нам ваших друзей к обеду, Артур? – спросила она мужа шепотом.

Он не ответил, только сказал:

– Проводите миссис Варней в гостиную, Клэрибелль. А мы с вами, майор, пойдем на террасу выкурить пару сигар.

– Хоть дюжину, мой дорогой, потому что мне нужно многое сказать вам.

Мужчины пробыли на террасе до тех пор, пока колокол не позвал их к обеду. Дамы, сидевшие у одного из окон гостиной, заметили, что они вели очень оживленную беседу. Майор говорил с воодушевлением, сопровождая свои слова бурной жестикуляцией, в то время как капитан ходил взад и вперед, повесив голову и сунув руки в карманы. Чем более оживлялся майор, чем больше он размахивал руками и смеялся, тем с большим ожесточением курил его собеседник, делаясь все угрюмее и угрюмее. Когда колокол замолк, капитан Вальдзингам и майор вошли в гостиную.

– Клэрибелль, – сказал он, – майор уговорил меня отложить наше путешествие до тех пор, пока он с женой не будет в состоянии присоединиться к нам, вместе с тем он обещал доставить нам удовольствие провести с нами неделю или две.

– Артур так настойчиво предлагал мне свое гостеприимство, Ада, что я волей-неволей решил остаться здесь на несколько дней, не зная, насколько это согласуется с вашими желаниями, а также с желаниями миссис Вальдзингам, которая, вероятно, находит эти индийские знакомства крайне неприятными... Я приехал сюда в своем экипаже. Он вам не мешает, Артур?

– Нет, в конюшнях есть свободное место. У вас с собою, конечно же, и кучер?

– Да, прекрасный малый, он будет настоящим кладом для ваших людей.

– Майор и миссис Варней займут голубые комнаты. Клэрибелль, потрудитесь отдать приказания Персону.

– Да, Артур, я сделаю это немедленно. Я счастлива, что вы согласились остаться с нами, – добавила миссис Вальдзингам, обращаясь к Аде Варней.

– Вы успели полюбить ее? – сказал майор. – Я так и думал, ее любит весь свет!

Выходя из гостиной, майор остановился в дверях и, окинув быстрым взглядом комнату, из окон которой видны были обширные сады, лес и озеро, проговорил:

– Так это и есть Лисльвуд-Парк! Артур Вальдзингам, вы – гораздо более хитрый лис, чем ваш учитель!..

VI. Опутан

За столом майор Гранвиль Варней был еще любезнее, веселее и разговорчивее. Он сидел рядом с Клэрибелль. Вальдзингам и непокойная, терпеливая хозяйка Лисльвуд-Парка с величайшим вниманием слушали несмолкаемую болтовню белокурого офицера. Он рассказал сотни анекдотов из индийской жизни – таких же живых и увлекательных, таких же блестящих и остроумных, как сам рассказчик.

Подобно всем тихим и не склонным к глубоким размышлениям людям, Клэрибелль легко заражалась весельем других. Она слушала с удовольствием, удивляясь всему, что ей говорил этот веселый военный, который рассказывал и о страшной битве в Пенджабе, и о комичной сцене, разыгравшейся во время обеда в Калькутте. Она вздыхала и смотрела то на очаровательного майора, то на молчаливого капитана, который, не поднимая головы, упорно изучал вензель Лисля, вырезанный на вилке.

«О, если б у Артура был такой веселый характер!» – думала Клэрибелль.

Миссис Варней говорила мало, вероятно, она слышала истории майора уж не один раз. А капитан и не старался вступить в беседу со своей прекрасной соседкой, с рассеянным и смущенным видом он откинулся на спинку кресла, даже не притронувшись к своему бокалу с вином.

После обеда, когда дамы сидели в гостиной, а майор занимал миссис Вальдзингам топографическими описаниями, капитан через открытое окно вылез на террасу, спустился в парк и пошел по большой аллее. Солнце садилось за тучами, и последние багровые лучи его медленно исчезали за деревьями. Было душно, и вокруг царил полнейшая тишина, которая всегда предшествует грозе. Крупные капли дождя начали тяжело падать на листья дубов и на голову капитана, который шел, опустив глаза в землю и не замечая того, что происходит вокруг.

– Здесь тихо, как в лесу, – пробормотал он, когда наконец, оглянувшись, понял, что находится в самой глухой части парка.

Пройдя еще немного, он оказался среди буков, толстые ветки которых сплели над ним густую сеть. Временами он бросал взгляд на освещенные окна замка, отражавшиеся в спокойной глади озера, пока наконец, обернувшись, не заметил, что замок скрыт от него великолепными столетними деревьями.

– Я один, – сказал он. – Сюда может забраться только браконьер или человек, желающий лишиться себя жизни.

Он сел на нижний сук одного из деревьев и вынул из кармана что-то завернутое в батистовый платок. Было уже слишком темно, чтобы рассмотреть этот предмет, и он тщательно ощупал его рукою. Вдруг у плеча капитана мелькнуло что-то белое: кто-то выхватил из его рук занимавший его предмет. Капитан вскочил, обернулся и схватил за горло стоявшего позади него Гранвиля Варнея.

– Отдайте! – проговорил он в бешенстве.

– Ни за что, – ответил хладнокровно майор. – У вас есть еще один?

– Вам-то какое дело?

– Упрямое дитя! Я ведь просто спросил, есть ли при вас другой, запасной пистолет? – мягко спросил майор.

– Нет, тысячу раз нет!

– Великолепно, мой бесценный Артур!.. Тогда сядем на эту ветку – она заменит козетку – и поговорим без всяких гневных выходов.

Капитан сел, не говоря ни слова.

– Но прежде мы вынем заряд из этой опасной игрушки, – продолжал майор, кладя пулю в карман и высыпая туда же порох, – закурим по сигаре и поговорим о делах.

Он подал Артуру Вальдзингаму портсигар. Свет спички озарил собеседников: лицо капитана было бледнее смерти, майор же, наоборот, казался спокойный и веселым.

– Ну-с, – сказал он, – что все это означает?

– Что вы имеете в виду? – проворчал капитан.

– Я имею в виду пистолет. Неужели вы думали, что я не угадаю ваше намерение? Вы думали, что я ничего не заметил и не прочел по вашему лицу? А я даже слышал, как ваш пистолет стукнул о кресло, когда вы встали, чтобы открыть дамам дверь. Когда вы вышли из гостиной, я понял, что вы собираетесь сделать, и через пять минут последовал за вами... Наивный ребенок, который не понимает своей выгоды!.. Неблагодарный, забывший своих друзей! Бедный мальчик!..

Майор громко рассмеялся, положил пистолет в карман и выпустил несколько клубов дыма. Капитан Вальдзингам сидел грустный и унылый, прислонившись к стволу дерева, и едва затягивался сигарой.

– Посмотрим, Артур, сделал ли я что-нибудь дурное по отношению к вам. Я мог бы начать с упреков, но я ненавижу упреки, поэтому оставим их в стороне и займемся вашей глупостью. Артур, вы делаете себя посмешищем!

Капитан молчал, и после короткой паузы майор продолжал:

– Вы дурак, Артур, если даже не спрашиваете, почему я назвал вас посмешищем. Но это не беда: я задал вопрос и сам же на него отвечаю. Я ставлю себя на ваше место, Артур Вальдзингам, и спрашиваю: почему же я, Артур, оказался смешным?.. Сперва вы, милый друг, сделали ужасную, но весьма часто встречающуюся ошибку, думая, что можете воспользоваться услугами человека, превосходящего вас умом, и бросить его, когда не будете больше в нем нуждаться.

И снова лишь шум дождя стал ответом майору Варнею.

– Несколько лет тому назад, Артур, вы находились в таком затруднении, из которого едва ли выпутались бы без содействия вашего преданного друга.

– Это верно, – произнес наконец капитан.

– Милый друг, если вы перестанете дуться, мы снова станем прежними приятелями. Итак, я помог вам выйти из весьма плачевного положения; вследствие этого между нами установились самые искренние отношения. В Калькутте нас даже прозвали Дамоном и Пифиасом... Нас связывало нечто большее, чем дружба... то был таинственный, священный союз, который могла разорвать только смерть. Не так ли, Артур?

– Если вы хотите сказать, что мы были полезны друг другу, то я отвечу «да», – произнес капитан.

– Но теперь вы не говорите этого, бездушный Артур!.. Ну хорошо: мы были полезны друг другу, в высшей степени полезны, и это могло бы длиться много счастливых лет. Но в одно прекрасное утро капитан Артур Вальдзингам покинул службу в индийской армии так же спокойно, как покидают какое-нибудь кафе или ресторан, – вместо того, чтобы посоветоваться со своим другом, который уговорил бы его подождать, пока кто-либо из офицеров не согласится купить его капитанский патент.

– Или может быть, чтобы он спокойно ждал, пока ему не дадут отставку, – насмешливо сказал капитан.

– Артур, вы сумасшедший!.. Итак, вместо того, чтобы спросить совета у более опытного человека, бедный мальчик оставляет службу и спешит в Англию, забыв об оказанных ему услугах, неблагодарный, недоверчивый, скрытный!.. Вот и все, что мог узнать о нем его друг, вернувшись из экскурсии в горы.

– Да... и вы, майор, лишились своего орудия.

– Я лишился своего орудия, Артур? Как вы можете такое говорить? – произнес майор с притворным негодованием. – Нет, я лишился своего друга, своего ученика, своего товарища,

своего Дамона!.. Я поручил одному знакомому навести о вас справки в Англии. Вас видели высадившимся в Довере, но с тех пор никто вас больше не встречал. Мне ничего не оставалось, как сидеть у моря и ждать погоды. «Хитрый лис выскользнул из моих рук, – сказал я себе. – Самое лучшее теперь – ждать, когда ко мне придет удача, и не будь я Гранвиль Варней, если я ее не поймаю!»

С этими словами он тихо положил свою женственную руку на плечо капитана, и как ни легко было это прикосновение, Артур Вальдзингам согнулся под ним, как под тяжестью в сотню пудов.

– «Я найду его!» – говорил я себе. – Продолжал майор. – «Пусть скрывается где хочет, а я все же его найду!..» Все так и получилось.

Он разразился торжествующим смехом, тихо потирая себе руки и глядя на капитана сверкающими голубыми глазами.

– Я получил отпуск и покинул Индию, – продолжал он скороговоркой, оживляясь все более и более. – Я обегал все игорные дома в Лондоне, рыскал по всем тавернам, я справлялся повсюду и у всех без разбора и наконец после долгих поисков, тысяч неудач и неприятностей сегодня утром я узнаю, что некий капитан Вальдзингам женился на богатой вдове сэра Реджинальда Лисля, баронета, и проживает в Лисльвуд-Парке.

– Значит, ваш приезд не случаен? – спросил капитан.

– Разумеется, дорогой Артур! Неужели вы думаете, что я был бы тем, кто я есть, если бы я полагался только на волю судьбы? Нет, я хорошо знал, куда и зачем я иду, – пусть будет это вам известно! Я явился сюда, чтобы настоять на выполнении всех пунктов нашего договора, чтобы заявить свои права и заставить вас поделиться барышами. Сколь ни велико богатство вашей жены, которое перешло к вам, я требую половину этой суммы, сколько бы владений и власти вы ни отняли у вашего пасынка – половина и того и другого должна быть моею. Я хочу, чтобы вы поделились со мною вашим комфортом, вашей роскошью, вашим блеском!.. А теперь, дорогой Артур, вернемся в замок... Артур Вальдзингам и компания! Помните, что ваш старый союзник следует за вами, потому что ему нравится оставаться в тени.

Когда собеседники удались, кто-то осторожно раздвинул ветви рядом с тем местом, где они только что сидели, и тихо направился к решетке парка.

Бледный и трепещущий Артур Вальдзингам прошел по аллее, миновал мост и цветники, он шел так, как идет приговоренный к смерти, которого уже возводят на эшафот, тогда как блестящий майор, следовавший за ним, очень походил на палача, даже в том, как его нежная рука касалась плеча капитана, было что-то, напоминающее полицейского, схватившего свою жертву, нечто, яснее слов говорившее: «Ты пойман, Артур Вальдзингам!»

VII. Подпольная работа

Майор Гранвиль Варней совершенно беспрепятственно разместился в Лисльвуд-Парке. Он послал в Брайтон за своим багажом, который и привез его камердинер – еврей Соломон. Злые языки в Калькутте утверждали, что этот черноглазый иудей не всегда служил майору, а был прежде режиссером какого-то провинциального театра, на подмостках которого его прекрасная сестра играла первые роли, эти злые языки увлекались иногда до того, что уверяли, будто эта самая сестра Соломона ныне не кто иная, как очаровательная миссис Гранвиль Варней, в которую майор влюбился до безумия во время своего отпуска в Англии, увидев ее играющей на сцене ее брата, и женился на ней без всяких проволочек. Но как бы там ни было, нельзя отрицать, что миссис Варней – женщина в высшей степени изящная, красивая и привлекательная, к тому же обладавшая великолепным контральто и замечательным музыкальным талантом, который настолько превосходил обычное дарование, что граничил с гениальностью. Если же толстый камердинер был ее братом, то нельзя сказать, что она выказывала к нему особую нежность: миссис Варней проходила мимо него, опустив глаза, как будто он был недостойн того, чтобы она заметила его присутствие.

После двух-трех дней пребывания майора в замке угрюмость и задумчивость Вальдзингама начали постепенно проходить. Большую часть дня они проводили за бильярдом, а половину ночи – за экартэ; дамы иногда приходили в бильярдную, чтобы следить за их игрой. Майор смеялся и болтал, выделывая кием разные трюки, и рассыпался в комплиментах присутствующим дамам, пока шары катились по зеленому сукну. Артур же Вальдзингам, напротив, играл с каким-то лихорадочным азартом; он как будто никогда не уставал и не скучал за бильярдом и оставлял его с сожалением, а во время игры в экартэ постоянно требовал продолжения и удерживал своего друга за карточным столом еще долгое время после ухода дам. Если бы кто-то увидел этих двух мужчин, склонившихся над картами, он сказал бы, что майор играет только из любопытства или из снисхождения к другу, между тем как для капитана игра была глубоко укоренившейся страстью.

Пока в замке происходили все эти события, сторож Жильберт Арнольд, стоя за дверью, курил, по обыкновению, свою трубку, следя взглядом ненависти и зависти за гостями и обитателями поместья.

– Итак, у капитана неизвестно какого, который явился неизвестно откуда, гостит один из его друзей, – сказал он жене спустя несколько дней по приезде майора. – Он, вероятно, думает, что мой сын падет ниц, чтобы доставить ему удовольствие попирать его ногами; эти господа всегда ждут чего-то подобного. Но мы не сделаем этого, не правда ли, Джим? – добавил он, обращаясь к сыну, качавшемуся на калитке.

– Чего мы не сделаем, папочка?

– Мы не упадем на землю, чтобы богачи топтали нас своими блестящими сапогами, ведь так, Джим?

– Нет, папочка, по доброй воле мы не сделаем этого, – ответил мальчик, лукаво взглянув на нахмуренное лицо отца.

Жильберт расхохотался.

– Ты весь в меня, мой сын, – настоящая молодая поросль старого дуба... К черту унижения, к черту заискивание и раболепие перед господами, когда они бросают нам крошки со своего стола!

– Папочка! – воскликнул мальчик. – Вон капитан, господин с усами и сэр Руперт! Они идут к ограде.

– А! Не исключено, что ты получишь шесть пенсов, если подойдешь к ним. Бери их деньги, но не позволяй унижать себя, Джим; это тебе мой совет.

Мальчик кивнул головой и, спрыгнув с калитки, побежал в аллею.

– Артур, – спросил майор, приближаясь к ограде, – известно ли вам что-либо относительно старого браконьера, который служит у вас?

– Ничего, кроме того, что он в свое время был страшным негодяем, а теперь прилежно читает душеспасительные книжки и каждое воскресенье бывает в церкви.

– Хорошо! – сказал майор. – Прежде был отъявленным плутом, а теперь стал ханжой и лицемером... Вот человек, Артур, которого мне необходимо изучить... только изучить, вы понимаете? Можете кое-что рассказать о его прошлом?

– Год или два он провел вне Суссекса – сидел в остроге в Гемпшире вследствие каких-то недоразумений с нашими лесничими; по возвращении женился на Рахили Дэвсон, дочери сторожа, и с тех пор только и делает, что бродит вокруг своего дома, вот как сейчас.

– Да вот и он! – проговорил майор весело. – Глаза у него зеленовато-желтые, настоящие кошачьи глаза, которые меняют свой цвет на солнце; походка тоже кошачья – тихая, крадущаяся; и, верно, он отличается и кошачьей хитростью. Артур Вальдзингам, я должен изучить этого человека!

В это время они подошли к ограде.

– Здравствуй, Арнольд! – сказал капитан.

Тот нехотя кивнул головой и так же нехотя снял свою засаленную фуражку. Маленький баронет в бархатном камзоле, смотрел на Джима, одетого в плисовые панталоны, холстинковую блузу и толстые башмаки, подбитые гвоздями.

– Черт возьми! – воскликнул майор. – Дети кажутся ровесниками.

– Мой мальчик на год моложе сэра Руперта, – проворчал Жильберт Арнольд.

– На год моложе! Для своих лет он молодец, друг мой! Они, должно быть, одинакового роста. Посмотрим... Баронет, сойдите с пони и посмотрим, кто из вас выше: вы или маленький Арнольд.

Баронет спрыгнул на землю, и майор поставил мальчиков спиной к спине. Сэр Руперт снял шляпу, при этом оказалось, что они одного роста.

– Ни малейшей разницы, – сказал майор Варней, – волосы тоже совершенно одинаковые.

Майор был прав: длинные кудри баронета и коротко остриженные волосы Джеймса имели один и тот же оттенок. Голубоглазые, с бледными лицами и тонкими чертами, мальчики являли поразительное сходство, однако поверхностный наблюдатель вряд ли заметил бы его из-за разницы в костюмах и прическах.

– Если бы мой приятель Арнольд одевал своего сына так же, как одевают сэра Руперта, этих детей можно бы назвать близнецами, – заметил майор. – Баронет, позвольте мальчику сесть на минуту на вашего пони; нам хочется посмотреть, как он будет держаться.

Майор посадил мальчика на пони, однако Джеймс Арнольд унаследовал только завистливый характер отца, но не его отвагу: когда майор хлестнул лошадь, мальчик побледнел и закричал.

– Что?! – сказал майор, снимая его с седла. – Да он дрожит всем телом! Неужели он робкого десятка?

– Да, он несколько боязлив, – ответил отец.

– Боязлив! – повторил майор. – Боязлив! Вот чего никак нельзя было ожидать! Сэр Руперт нежен, как молодая девушка, но держит себя на пони не хуже взрослого и не побоялся перескочить через плетень, не так ли, баронет? – обратился он к сэру Руперту, который снова сел в седло.

– Да, майор, Джеймс Арнольд трус, он кричит, едва до него дотронешься; я не люблю трусливых!

– Тише, баронет! Джентльмену не следует так говорить: смелость и робость во многом зависят от физических причин. Этот мальчик не может противиться страху, – продолжал

майор, положив руку на голову Джеймса. – Он очень впечатлителен, и человек с сильной волей может сделать из него все, что захочет. Я уверен, что мог бы заставить его следовать за мною, как собачка, и угадывать мои сокровенные мысли... Берегите вашего сына, Арнольд, иначе он доставит вам много хлопот.

– Благодарю вас, сэра, – ответил сторож угрюмо, – я не боюсь этого.

– А, понимаю: вы не любите, когда вмешиваются в ваши дела. Ничего, мой милый, со временем мы научимся понимать друг друга, – произнес майор, потирая руки и поглядывая на сердитого сторожа с лукавой усмешкой.

Под этим пристальным сверкающим взглядом начал усиленно моргать Жильберт Арнольд.

– До свидания, мой друг, – добавил майор. – Я еще приду когда-нибудь поболтать с вами... Идем, баронет! Идем Артур, мой бесценный друг! Пора в путь.

При этих словах Варнея ворота парка заскрипели и захлопнулись. Жильберт Арнольд покинул свой любимый пост и принялся внимательно наблюдать за гуляющими.

– Будь проклят этот человек! – проговорил он злобно. – Хотел бы я знать, кто он такой, если позволяет себе обращаться с людьми, как с неодушевленными предметами... Черт бы побрал этого дерзкого гордеца!

Вечером майор долго сидел за туалетом; казалось, что он никогда не закончит приглаживать волосы и расчесывать усы. Наконец он прекратил свое занятие и, держа в руках две гребенки из слоновой кости, задумчиво взглянул на камердинера, стоявшего пред ним с жилетом в руках.

– Соломон, вы ведете в этом скучном замке слишком спокойную жизнь, – сказал майор. – Надеюсь, ваш мозг не отупеет от этого бездействия.

– Надеюсь, что нет, господин майор, в особенности если...

– В особенности если я найду нужным привести его в движение, не так ли, Соломон?.. Я понимаю вас, вы славный малый, Соломон, и я надеюсь, что скоро буду иметь возможность удвоить ваше жалованье. А теперь возьмите записную книжку и слушайте меня.

Соломон вынул из кармана карандаш и книжку, листки которой были испещрены заметками, и приготовился писать.

– Возле ограды парка, – начал майор, – живет бывший браконьер, которого зовут Жильберт Арнольд. Пишите: Жильберт Арнольд, браконьер.

Соломон записал.

– Он сидел в винчестерской тюрьме за драку с лесниками, – продолжал Гранвиль, – запишите: винчестерская тюрьма.

Соломон записал все, что ему приказали.

– Теперь закройте книжку и выслушайте меня!

Майор уселся в кресло, и Соломон приготовился внимательно слушать своего господина.

– Этот браконьер сидел в винчестерской тюрьме за нарушение закона; два раза он был в ливиском остроге за какие-то другие проступки. Однако он совершил преступление, за которое так и не понес наказания.

– Из чего вы это заключили, господин майор?

– Об этом говорит наружность этого человека: его мигающие глаза, которые никогда не смотрят прямо, его нерешительная походка и все его ужимки. Каждое утро, вставая с постели, он говорит себе: «Сегодня вечером я могу быть арестован». Садясь к зеркалу, чтобы побриться, он через несколько минут бросает бритву и думает: «Может быть, вечером я буду щеголять в арестантском платье». Соломон, этот человек наверняка много лет назад совершил какое-нибудь преступление и сумел спрятать концы в воду. Он живет в вечном страхе, и, хотя он в настоящее время, быть может, считает себя в безопасности, страх уже вошел у него в при-

вычку. О Соломон! Какое счастье иметь чистую совесть и жить, не опасаясь, что в один прекрасный день придется надеть арестантский костюм!

При этих утешительных словах майор громко рассмеялся.

– Соломон, вы, должно быть, уже угадываете, о чем я хочу просить вас. Завтра утром вам нужно будет навести кое-какие справки, я скажу, где и что нужно сделать. Я рассчитываю на вашу скромность и говорю вам прямо: узнайте тайну Жильберта Арнольда и сообщите ее мне. А теперь давайте жилет.

Майор закончил свой туалет и отослал камердинера. Дверь отворилась, и на пороге показалась миссис Варней в белом платье и с живыми цветами в волосах.

– Вы сегодня очаровательны, кумир моего сердца! – нежно проговорил майор. – Эти цветы придают вам непорочный вид. Скажите, Ада Варней, хотели бы вы стать владелицей Лисльвуд-Парка?

– Перестаньте говорить глупости и пойдемте вниз, – ответила молодая женщина. – Я думала, вы никогда не завершите свой туалет.

– Ада, приготовления, необходимые для подкопа этого дома, отнимают немало времени. Впрочем, мне кажется, скоро можно будет заняться установкой мин, не так ли? Но вы не беспокойтесь, моя дорогая, дела идут!.. Соломон получил от меня инструкции. Остается еще многое сделать, но мы достигнем цели с чистой совестью, не опасаясь ни тюрьмы, ни наказания.

VIII. Бишер-Рид

Через пять недель после появления в Лисльвуд-Парке майора Гранвиля Варнея с женой настал день их отъезда. Они хотели провести еще неделю или две в Брайтоне, прежде чем отправиться в Лондон, где предполагали пробыть до конца отпуска майора. Они намеревались ехать в своем экипаже, на своих лошадях и со своим кучером, а Соломон должен был занять место на запятках. Майор и миссис Варней стояли на террасе в обществе хозяев, пока чемоданы укладывали на верх экипажа под наблюдением опытного Соломона.

– Артур, – сказал майор, – большая дорога идет мимо косогора, который вы называете Бишер-Ридом?

– Да, мимо одного из косогоров, но не Бишер-Рида – он находится с другой стороны.

– Не пойти ли нам с вами туда, пока Соломон укладывает багаж? Время еще есть... Ада подождет меня на дороге, приближение экипажа я увижу с горы. Мне надо сказать милому Артуру несколько слов на прощание.

Майор простился с миссис Вальдзингам, накинул на плечи толстый плед и сказал жене, в каком месте ей следует ждать его.

В этот момент из конюшен выехал на своем пони сэр Руперт Лисль.

– Папа, можно мне поехать с вами? – спросил он.

Капитан Вальдзингам колебался с ответом. Он вопросительно взглянул на своего приятеля.

– Конечно, можно, сэр Руперт, – сказал майор.

Возле сторожки майор остановился и опустил золотую монету в руку бывшего браконьера.

– Здравствуйте и прощайте, друзья мои, – произнес он. – Послушайте моего совета: берегите вашего сына, если не хотите попасть в затруднительное положение в самом ближайшем будущем.

– Хорошо, сэр, – ответил сторож с хитрой улыбкой.

Ворота со скрежетом захлопнулись за молодым владельцем Лисльвуд-Парка. Как бы молод он ни был, если б он только мог предвидеть, что его ожидает за этой решеткой, резкий звук показался бы ему похоронным звоном по его беспечной жизни.

По неровной дороге до косогора, на котором капитан Вальдзингам встретил леди Лисль в день своего возвращения из Индии, нужно было идти около часа. Взойдя на вершину, мужчины оглянулись. Майор подмигнул капитану.

– Руперт, езжайте на ту сторону косогора: мне надо поговорить с майором! – произнес Вальдзингам.

Мальчик кивнул головой и, размахивая хлыстом, поскакал, куда ему указал отчим и где он все время оставался на виду, но не мог ничего слышать.

– В чем дело? – спросил капитан, воткнув в землю свою трость и тяжело опершись на нее. Очевидно, он приготовился к продолжительной беседе.

Майор расстегнул широкое пальто и начал играть золотыми брелоками часов. Его белые зубы, усы и бакенбарды так и сияли на солнце.

– В чем дело? – повторил капитан с нетерпением. – Для чего вы притащили меня сюда? Что вы хотите сказать такого, чего не могли сказать вчера вечером?

– Вы не догадываетесь? – спросил майор с любезной улыбкой.

– Понятия не имею.

– Ну да, вы не хотите догадаться! Вы боитесь принять на себя инициативу в щекотливых вопросах, но я возьму ее на себя. Милый друг, мне нужны деньги.

– О! Вы опять за старое, но я повторю только то, что сказал вам вчера вечером: у меня нет больше денег и нет возможности их достать. Я и так уже обобрал жену и не собираюсь просить у нее ни одного шиллинга.

– Эти слова доказывают, что вы страшно упрямы! – проговорил майор.

Он вынул из кармана пальто стопку аккуратно сложенных писем, исписанных тонким женским почерком и связанных голубой шелковой ленточкой.

– Взгляните-ка на эти письма, – сказал он иронически. – Не хотите ли прочесть? А может быть, вы уже забыли их содержание?

Капитан отвернулся и пробормотал проклятие.

Майор, насвистывая, невозмутимо перебирал письма, пробегая глазами по строчкам и останавливаясь, когда ему встречалась интересная фраза. Капитан Вальдзингам смотрел на него пристальным и грустным взглядом.

– Артур, бесценный друг, если у меня к концу месяца не будет пяти тысяч фунтов стерлингов, миссис Вальдзингам первого октября получит эти письма. Как они ни забавны, но я все-таки думаю, что она не поймет заключающейся в них иронии и примет их содержание за чистую монету. Вы любите ее, как слепой, так как ее глупость бросается в глаза, но ведь бывают люди, которым очень нравится и вареная курица.

– Майор Варней! – с угрозой воскликнул Вальдзингам.

– Пустая голова! Получу ли я пять тысяч фунтов стерлингов или мне придется отослать эти письма белокурой красавице? Решайте скорее, мой друг, мне кажется, скоро пойдет проливной дождь!

– Я уже сказал вам, что не могу достать такую огромную сумму. Что касается писем, то это совершенно меня не пугает: вы слишком умны, чтобы свернуть шею курице, которая несет золотые яйца. Тайна моего прошлого, которой вы хотите воспользоваться ради наживы, потеряет всю свою силу, когда будет открыта. Не дурак же вы, чтобы добровольно выпустить ее из рук.

Майор закусил губы, и на лице его мелькнуло выражение растерянности. Казалось, он вот-вот выдаст себя, но он быстро оправился и со смехом ответил:

– Вы хитрый лис, вас не проведешь! Да, вы, конечно, правы: я вовсе не намерен разглашать вашу тайну. Я не желаю несчастья беденькой леди Лисль, или миссис Вальдзингам, или как там ее называют! Я не хочу, чтобы вас выгнали из Лисльвуд-Парка или послали в какую-нибудь отдаленную колонию трепать паклю или носить камни. Нет, милый мой Артур, я только хочу уладить дело к лучшему и способствовать нашему всеобщему спокойствию. Поверьте мне: я придумал средство достигнуть этой цели.

– Хорошо! – ответил небрежно Вальдзингам.

– Тогда слушайте! Я не из тех несчастных, для которых наличные деньги являются необходимым условием существования. Видите на дороге мой экипаж, моих лошадей, моего кучера и моего камердинера? Понятно, что я не могу содержать все это на свое майорское жалованье! С другой стороны, мне не нужны десять фунтов стерлингов. Я думаю, что лучше получить пятьдесят тысяч через десять лет, чем пять тысяч – сегодня... Артур Вальдзингам, который год этому мальчугану?

Он указал на сэра Руперта Лисля.

– Какое отношение это имеет к нашему разговору? – спросил капитан.

– Это лишний вопрос! Отвечайте: который ему год?

– В июле исполнилось семь.

– Семь лет. Великолепно! Что скажете, Артур, если я разорву этот пакетик с письмами на тысячу кусков и в течение четырнадцати лет не возьму у вас ни одного пенса?

Капитан посмотрел на него с удивлением.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил он.

Майор взял его под руку, наклонился и шепнул ему на ухо несколько слов, которые заставили капитана побледнеть от испуга. Настала пауза, в течение которой майор не сводил с него взгляда.

– Хотите сделать это, или хотите, чтобы я выполнил это сам? – спросил он.

– Мерзавец! – загремел капитан Вальдзингам. – Я не сделаю этого, даже если такой ценой мог бы откупиться от галер!

– Дитя! Не горячитесь! – тихо сказал майор. – «Даже, если бы я мог такой ценой откупиться от галер!» – повторил он с презрением. – Есть люди гораздо выше вас по положению, которые сделали бы это за двадцать фунтов стерлингов... Что это такое? Не более чем простой фокус. «Милостивые государи и милостивые государыни, видите этот шиллинг? Я кладу его под этот стакан... Тук-тук – и его нет!.. Тук-тук! – и вот он опять!» Говоря так, фокусник показывает публике пропавший шиллинг, и она воображает, что видит перед собою что-то необыкновенное, а между тем он показал ей другую монету, точно такую, как первая... Капитан Вальдзингам, вам угодно загородить нам дорогу к счастью или вы соглашаетесь помочь мне с этим фокусом?

– Нет, повторяю вам!

– А если я сделаю это помимо вас?

– Тогда я разоблачу вас, что бы потом ни случилось!

– Вы неисправимы! Это ваше окончательное решение?

– Да! – сказал Вальдзингам.

– Великолепно! – произнес майор, пожимая плечами. – Если так, делать нечего... Помните же, – добавил он, ударяя пальцами по письмам, которые все еще держал в руке, – что вам уже не придется ждать от меня ни малейшей пощады! Если человек не видит своей собственной выгоды, пусть не воображает, что умные люди будут страдать по его милости. Позовите вашего пасынка, я попрощаюсь с ним и отправлюсь в путь. Бедная Ада, верно, заждалась меня.

Капитан позвал сэра Руперта Лисля, который в один миг прискакал к косогору.

– Сэр Руперт, – сказал майор, – я хочу проститься с вами, потому что я покидаю Бишер-Рид... Помните, поселяне что-то толковали об этом косогоре, но я до сих пор так и не смог узнать, откуда произошло это название Бишер-Рид. Объясните мне это на прощанье, Артур!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.